

«СЛУЖБА КРОВИЮ И СМЕРТИЮ».
ДВОРЯНЕ И ДЕТИ БОЯРСКИЕ

Анатолий А. Клёсов

“SERVICE BY BLOOD AND DEATH”.
DVORYANE AND BOYAR CHILDREN

Anatole A. Klyosov

Anatole A. Klyosov
36 Walsh Road
Newton, Massachusetts 02459

Text in Russian – pp. 3-39

Text in English – pp. 40-62

Не знаю, как кому, а мне нравится быть потомком детей боярских. Что-то в этом есть от былин, летописей, сказаний. Там русский дух..., и далее по тексту.

Но если выйти на улицу и спросить у первого десятка человек, да и у второго, кто такие дети боярские, кто такие однодворцы, что такое четвертное право, что такое «испомещать», кто такие городовые и полковые дворяне, да и что такое дворяне вообще и как они появились на Руси, то ответа не получить. Причем я говорю, естественно, не о зарубежье, а о самой что ни на есть современной России.

Вот о том, что это такое, как и многое другое, память о чем отказала у «народных масс» с 1917-го и в последующие годы, я и расскажу. А чтобы

рассказ не получился отвлеченным, проведу его на примере истории предков Клёсовых, старинного русского, славянского, Курского рода, начиная с тех самых детей боярских. В рассказе, помимо цитирования таких классиков, как С.М. Соловьев, Н.М. Карамзин и В.О. Ключевский, буду использовать материалы из старых исследований, доступных в основном только специалистам, как «ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ КУРСКОГО ДВОРЯНСТВА» (составил член Императорского С.-Петербургского Археологического Института А. А. Танков. Издание курского дворянства. Москва 1913; обработал В.Н. Орлов, 2004) [1] и «ЧЕТВЕРТНОЕ ПРАВО» (Н.А. Благовещенский. Типо-Литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко., Москва, 1899; обработал В.Н. Орлов, 2007) [2]. Пусть это будет моей скромной помощью по донесению их трудов до современного читателя в такой форме.

Дворяне и дети боярские

Дети боярские – это часть высшего сословия на Руси. Все высшее сословие состояло из бояр, мужей княжих, дворян и детей боярских. Впоследствии первые две группы исчезли, а две последние группы слились, и стали называться дворянами. Произошло это в 17-18 веках.

Само слово дворяне означало, естественно, двор – княжеский, а затем государя. Первые дворяне составляли княжескую дружину. Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» пишет: «Что прежде называлось *дружиною* Государей, то со времен Андрея Боголюбского уже именуется в летописях *Двором*: Бояре, Отроки и Мечники Княжеские составляли оный. Сии Дворяне, первые в России, были лучшею частию войска. Каждый город имел особенных ратных людей, Пасынков, или Отроков Боярских (названных так для отличия от Княжеских) и Гридней, или простых Мечников, означаемых иногда общим именем воинской дружины. Только в чрезвычайных случаях вооружались простые граждане или сельские жители; но последние обязаны были давать лошадей для конницы» [3].

Дворяне – всегда было понятием военным. Говоря современным языком, дворяне – это офицерство. Точнее, потомственное офицерство. Потомственный высший военно-боевой состав. Служилое военно-дворянское сословие. Здесь есть некоторая тавтология, но это – принятый термин. Как пишет А.А. Танков, ссылаясь на русского историка Н.И. Иванова, «в княжескую дружину принимались лица не только выдававшиеся храбростью и заслугами, но и отличенныя породою». Это

звучит не очень политкорректно, но тому, кто принимал в дружину, было виднее.

Бояре были самым высшим звеном власти и службы на Руси. Поначалу бояре и дети боярские были самые приближенные к князю люди, костяк его дружины, боевые товарищи, дети и близкие родственники князя. Княжеств, естественно, на всех не хватало, и бояре становились советниками, думцами князя. Их дети и были дети боярские. Поначалу это название имело буквальное значение. И поскольку оно несло определенную и важную сословную посылку, то дети и внуки детей боярских продолжали называться детьми боярскими. Они постепенно составили довольно многочисленную группу и образовали средний и младший военно-служилый контингент в войсках. Это, конечно, не считая низшие категории в войсках, но те к служилым не относились. Говоря опять же современным языком – дети боярские обычно занимали должности от рядовых (правда, в дворянской и поместной коннице) до майоров, в зависимости от боевого опыта и выслуги лет. Полковничьи и генеральские должности занимали князья, стольники, воеводы.

Слово «дворянин» впервые встречается в летописи под 1175 годом, во времена Великого князя Андрея Боголюбского. Понятие «дети боярские» как сословное понятие встречается уже в 13-м веке для обозначения части дворян. В Ипатьевской летописи (1281 год) так описывалась поимка Михайлы Глинского, намеревавшегося перейти на сторону поляков – «Михайло Глинский едет один наперед своих дворян за версту, и пойма его князь Михайло Голица, а дети боярские переимали дворян Глинского».

Говоря о времени Великого князя Василия Темного (1425-1462), Н.М. Карамзин пишет: «Все главные чиновники государственные: Бояре *Старшие, Большие, Путные* (или поместные, коим давались земли, доходы казенные, *путевые* и другие), *Окольничие* или ближние к Государю люди, и Дворяне были истинным сердцем, лучшею, благороднейшею частию войска, и собственно именовались *Двором Великокняжеским*. Второй многочисленный род записных людей воинских называли *Детями Боярскими*: в них узнаем прежних Боярских Отроков; а Княжеские обратились в Дворян. Всякий древний областной город, имея своих Бояр, имел и Детей Боярских, которые составляли воинскую дружину первых. Кушцы и граждане без крайности не вооружались, а земледельцы никогда».

Сначала бояре и дети боярские имели первенствующее значение по отношению к дворянам, как людям, составляющим княжеский двор. В дружине понятия дворян и детей боярских практически сливались, хотя еще в первой половине 16 века дети боярские продолжают составлять

высший сравнительно с дворянами класс [1]. Но потом, с возвышением понятий государя и его двора, статус дворянина начинает превосходить статус сына боярского. В 16-17 вв оба понятия в отношении воинской службы, во всяком случае в Курском крае, практически всегда употребляются вместе, как «дворяне и дети боярские», что означало военно-дворянское служилое сословие, в противоположность остальному населению, «мужикам». Как дворяне, так и дети боярские «служили с поместий».

Высшим государевым учреждением, которое заведовало службой дворян и детей боярских, был Разрядный приказ. Приказ рассылал на места воеводам Царские грамоты с предписаниями, и принимал отчеты воевод и челобитные дворян и детей боярских с просьбами и жалобами к Государю.

До 18 века понятия дворяне и дети боярские было синонимом воинов. Как пишет А.А. Танков, выражение «послать вперед дворян и детей боярских» было равносильно выражению – направить лучшие части конных войск. Но это было не все. При устройстве курских городов и крепостей дворяне и дети боярские были еще и военными инженерами и строителями – крестьян-то в тех краях практически не было. Как отмечают историки, они, дворяне и дети боярские, были самым культурным слоем общества, носителями культуры, оказывали нравственное влияние на население и на условия его жизни [1].

В 18 веке понятие «дети боярские» для служилых людей исчезает, остается термин «дворяне». Для уходящих в отставку с воинской службы на свое поместье, в особенности для тех, кто не служил во времена 1-й ревизии (1720-е годы, см. ниже), термин «дети боярские», как и «дворяне» часто, особенно у малопоместных, заменяется понятием «однодворцы». Более того, ушедшие с воинской службы «на землю» обычно в итоге перетекали в свободные, или вольные крестьяне, которые потом получили официальное название «казенные крестьяне» или «государственные крестьяне», о чем мы потом расскажем. В любом случае, уход с военной службы во многих случаях означал конец дворянства. Некоторые потом возвращались на воинскую службу и получали обратно дворянский титул, но после специального рассмотрения.

В 1566 году Иван Грозный (Иоанн IV Васильевич) определил три разряда служилого сословия. Высший разряд были дворяне – московские, жильцы и городовые. Московские владели землями в Московском уезде, жильцы служили в Москве, но земель в Московском уезде не имели, и городовые служили в других городах. Второй разряд назывался, как и прежде, детьми боярскими. Они пользовались одинаковыми с дворянами правами, но по

службе занимали, как правило, меньшие должности. Они могли перейти в первый разряд за воинские заслуги. К третьему разряду относились стрельцы, пушкарки, копейщики, затинщики и прочие служилые люди. Они могли быть из дворян, но не из крестьян и холопов. Из них составлялись воинские подразделения, которые возглавлялись дворянами и детьми боярскими. Первые два разряда служили «по отечеству», то есть наследственно, в чине своих отцов [4], как правило, с поместий. Третий разряд служил «по прибору», то есть по набору.

В 1642 вышел указ о запрещении служилым людям поступать в холопство и на солдатскую службу. В 1675 приборным людям было запрещено переходить в дети боярские, что ускорило формирование дворянского сословия.

При сыне Ивана Грозного, Федоре Иоанновиче (1584-1598 гг), в составе русского войска было 80 тысяч дворянской конницы, и дворянские конные полки составлялись из дворян и детей боярских. Дворяне большие (то есть бояре) получали жалование 70-100 рублей в год, «средние» 40-60, дети боярские 20-30 рублей в год.

В русской истории было мало примеров пожалования статуса детей боярских людям низших сословий и даже холопам, и эти примеры были, как пишут историки, неудачными. Борис Годунов допускал такие пожалования, но они оказались «непрочными», и все эти лица в последующие царствования были возвращены в прежнее свое состояние [1].

Возвращаемся к тому, что дети боярские - говоря современным языком - обычно занимали должности от рядовых до майоров, в зависимости от боевого опыта и выслуги лет. Естественно, они могли переходить на высшие командные должности, но чаще - просто по своему количеству - занимали скорее лейтенантские и капитанские должности (говоря современным языком). Они были совершенно незаменимой частью войска русского. На южных границах Курщины, у Дикого поля, о чем у нас пойдет речь ниже, они выполняли функции разведчиков, вступали в бой, ведя свои десятки и сотни, организовывали оборону городов и крепостей, были «осадными головами» при штурме крепостей и несли все тяготы воинской службы. За свою службу они получали оклады в виде поместий, земельных наделов, помимо обычного денежного содержания. Это и было «испомещение».

Напомню, что Курск первоначально входил в состав Северской земли, которая лежала на восток от Днепра. Курск был самым большим городом

на востоке на Руси. К юго-востоку от границ Курского края начиналось Дикое поле.

Испомещение дворян и детей боярских

Как пишет С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» - «Легко понять, какое впечатление в стране произвело испомещение военных людей на землях, впечатление, подобное тому, какое произвело испомещение германцев в областях Римской империи: в стране ... явился многочисленный класс людей, пользующихся землею, полновластных хозяев ее во время этого пользования; ... земля явилась предназначенною для испомещения военных людей, помещики явились главными землевладельцами, служилый человек для остального народонаселения стал немислим без поместья, и название *помещик* для землевладельца укоренилось в народе крепко, осталось и тогда, когда поместья исчезли».

Было два основных механизма получения поместий – или обычным порядком, при очередном призыве на воинские сборы, когда указом поименно объявлялось, кто какой надел и какую денежную сумму получает, или по челобитной самого дворянина или сына боярского, или его служилых сыновей, просящих государя за отца.

И вот здесь на сцену выходит мой первый предок Иван Клёсов (рожд. ок. 1575) – первый, конечно, по существующим упоминаниям в архивах – которому в 1639 году по челобитной его сына Кирея (рожд. ок. 1605) указом было выделено 300 четвертей (чет) земли (180 гектаров). Вот как повествует об этом Отказная Книга (РГАДА, ф. 1209, оп. 188, дело № 15684, стр. 159):

Лета 7147 года (1639 год) апреля в 12 день по государеве цареве и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси грамоте Ивану Клёсову, сыну боярскому рейтарской службы по челобитью курчен кормовых детей боярских Кирея Клёсова, Фрола Евсюкова да Дениса Пыжова да Мина Вожова да Остаха Шипилова и по наказу стольника и воеводы Ивана Васильевича Бутурлина в Курецком стане Курского уезда были отписаны угодыя и урочища с устья вверх по Хмелевскому колодезю да от устья ж Хмелевского колодезя вниз по Пруту по правую сторону речке Прута и написано по сыску усадище усть Хмелевского колодезя и дикого поля и дубровы по описи сто чети в поля а в дву по тому ж по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси грамоте и по сыску.

Расшифровывается этот непростой текст по отписным землям с помощью объяснений А.А. Танкова: «местному воеводе предписывалось послать - кого пригоже на место нахождения поместья и произвести сыск окольными

и тутошними людьми по поводу справедливости оснований, по которым челобитчик просит записать за ним это поместье, а затем измерить землю поместья... разверстать ее на три поля и определить, сколько четвертей придется в одном из них. Обыкновенно в Курском крае измерялась только некоторая часть земли, в состав ее входила пашня, перелог, дикое поле, дубрава на пашню, пашня, поросшая лесом, и эта часть считалась одним полем. Умножением этой части на три определялась величина поместья». Следует добавить, что «а в дву потому ж» означает, что «в двух остальных полях по столько же».

Через полсотни с небольшим лет, в «Разборной книге детей боярских по городу Курску и Курскому уезду 1695 года» (ГАКО, ф. 1555, оп. 1, дело № 168, лист 678) впервые упоминается деревня Клёсова. Еще через 15 лет, по ландратской ревизской переписи, деревня Клёсова шла по разделу «Рейтары и однодворцы», в ней было 12 дворов и жили 35 человек (из них семь взрослых мужчин и девять женщин, остальные - дети), у всех фамилия - Клёсовы.

Здесь следует отметить, что фамилии до 15 века не встречаются даже у бояр. В конце 15 века фамилии дворян встречаются все чаще. В 16 веке уже практически все дворяне и дети боярские Курского края имеют фамилии, в отличие от более низких сословий, у которых фамилии стали появляться только в 19 веке. То, что в 1639 году у упомянутых выше курчен перечислены фамилии, относит их к довольно высокому сословию. Само понятие «курчане» или «курчене», по А.А. Танкову, указывает на принадлежность дворянам и детям боярским, «и противопоставляется лицам других чинов и разрядов, низших по отношению к этому понятию». Указ царя Федора Алексеевича 1678 года гласит: «холопей боярских и стрелецких и казачьих и неслужилых никаких чинов отцов, детей и братьев и племянников отнюдь никого детьми боярскими у верстаня не называли и поместными и денежными оклады их не верстали».

А, собственно, почему «Отказная книга», выписка из которой дана выше? Какой же отказ, когда землю дали?

А это и есть отказ. Потому что землю отписали, то есть отказали. В дворянском землевладении 17 века землю отписывали на основании Отказных Грамот. В писцовых книгах так и записывали: владел по Государевой грамоте, или по старым писцовым книгам, по купчей меновой, отказным или отдельным книгам.

Указ царя Алексея Михайловича от 1648 года приводит нормы поместных окладов детей боярских в Курско-Белгородском крае [1]:

-- Старшие оклады (оклады 1-й и 2-й статьи): 400 и 300 чет (четвертей)

-- Средние оклады (оклады 3-й, 4-й и 5-й статьи): 250, 200 и 150 чет

-- Низшие оклады (оклады 7-й и 8-й статьи): 100 и 70 чет

Поместья давались только служилым людям. По «Уложению» 1649 года Алексея Михайловича людям не дворянского сословия вообще было запрещено владеть землей. В лучшем случае и в виде исключения солдаты испомещались 25 четвертями. Когда у помещика – а именно помещиками были служилые люди, имевшие поместья – сыновья достигали 15-18-летнего возраста, они верстались в государеву службу и сами приобретали право на поместный оклад. При этом они были обязаны по первому требованию являться на военные сборы и отправляться в военные походы с оружием и запасами, и приводить с собой конных и пеших ратников исходя из размера поместья, обычно по вооруженному человеку на коне и в полном доспехе со 100 четвертей земли (указ Ивана Грозного от 20 сентября 1556 года). Продавать данную землю им было нельзя, земля должна была оставаться в роду служилых людей, пока они служат: чтобы "в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила".

Дети состоятельных дворян и детей боярских верстались «в припуск», то есть землей не наделялись, и отбывали службу с отцовского поместья. Дети неимущих дворян верстались «в отвод», то есть с назначением отдельного поместного оклада.

В «Указе об испомещении» 1555 года было сказано: «отцовских поместий не отнимать у сыновей, если они пригодны в службу». Это же подтверждалось «Уложением» 1649 года. Как пишет В.О. Ключевский в «Курсе русской истории», на принципе «кто служит, тот должен иметь землю» и была построена поместная система. Прямым последствием этой мысли было другое правило: кто владеет землей, тот должен служить. Исключение – монастырские земли.

У современного читателя может сложиться иллюзия, что дворяне и дети боярские были людьми состоятельными, имели поместья с массой крепостных крестьян. Это было в основном не так. В 1670-х годах, например, из 168 дворян и детей боярских из нескольких уездов Курского края, записавшихся на военную службу, 99 вообще не имели и не получили поместий, остальные были испомещены не сполна, «иные вполсилы, а иные в третий и четвертый жребий, а иным дали на усадьбище не помногу» [1]. Дворянам и детям боярским было трудно жить и служить. Денежные

оклады были не велики, выдавались на войне, как правило, в виде награды за захват языков, за убитых в бою неприятелей, за бои, за раны, за выход из полона. В мирное время оклады были по одному рублю на человека в четыре года.

Вообще поместные «оклады» с их сотнями четей было одно, а фактические «дачи» были часто значительно меньше. Окладную землю себе надо было еще найти и организовать ее измерение и запись по форме, то есть провести юридическое оформление. А земли часто и не было, или она была плоха, или слишком удалена. Поэтому среди провинциального дворянства в то время часто встречались чрезвычайно мелкие помещики, у которых оклады падали ниже предельной меры, назначенной по закону для поставки одного вооруженного конного ратника (100 четей, или 150 десятин в пашне): назначали по 80 и по 40 четей оклада (120 и 60 десятин). Еще скуднее бывали дачи, приближавшиеся уже к крестьянским участкам: встречались помещики с 30, 20, даже с 10 десятинами пахотной земли. Так образовалась значительная масса бедных провинциальных дворян, беспоместных или малопоместных [4].

Даже некоторые дворовые дворяне, а их по Курску в 1642 году было всего 19 человек, не имели крестьянских дворов, двое совсем не имели поместий, а один владел поместьем всего в 9 четвертей [1]. В то время детей боярских городских в Курске было 731 человек. Они составляли ядро дворянского сословия. Поместные оклады их были от 70 до 500 чет, но большинство их вовсе не имели крестьянских дворов, и немногие были беспоместными. Как будет говориться ниже, крестьян в Курско-Белгородском крае в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича вообще почти не было. А поскольку такие помещики в своих поместьях не имели крестьянских дворов, жили своими дворами, «одnodворками», то отсюда позже и образовалось понятие и сословие одnodворцев, о чем речь пойдет ниже, в том числе и в применении к моим предкам.

Вообще, в служилой семье все дети служили: достигнув призывного возраста, сын - на коня, защищать отечество, дочь - под венец, готовить резерв защитников [4]. Бывали случаи, когда детей увечных отставников оставляли с отцом «на пашню», но привилегий людей служилых у них уже, конечно, не было.

Но вернемся к Ивану Клёсову, сыну боярскому. За какие воинские заслуги и за какую выслугу лет ему, 59-летнему, было царским указом выделено поместье? В архивах это пока обнаружить не удалось, но - обратимся к истории Московского государства и государства Российского в период начала 17-го века и до 1639 года.

Смутное время и начало дома Романовых

В 1604 году, когда сыну боярскому Ивану Клёсову было 24 года, в истории России началось Смутное время. Завершал свое семилетнее правление Борис Годунов, который внезапно умер в апреле 1605 года. Конец его царствования был для российского государства катастрофическим. Разорения южных земель татарами, чума, четыре неурожайных года подряд. Наконец, все усиливавшиеся слухи о чудесном избавлении царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, по официальным сведениям погибшего в 1591 году в возрасте 9 лет. Пошли народные волнения с упоминаниями кары Божьей, потому что царствование Бориса незаконно, достигнуто неправдой, и добром не кончится.

В октябре 1604 года Димитрий Самозванец (Лжедмитрий I) вошел в пределы Московского государства и направился к Курскому краю. Путивль, верный Борису Годунову, поначалу встретил поляков и казаков Димитрия «огненным боем», но воевода Путивля был повязан своими же, и город в ноябре был сдан. Вскоре был сдан и Курск, но сдан стрельцами [5]. После смерти Годунова русское войско перешло на сторону Димитрия. В июне 1605 года был убит наследник Бориса Годунова, царевич Федор, в июле Димитрия признала как своего сына вдова Ивана Грозного, она же мать царевича Дмитрия, и в конце того же месяца Димитрий венчался в Москве на царство. Но ненадолго, был убит меньше чем через год, в мае 1606-го. Мать царевича перед этим повинилась, что признала не по правде. Царем стал Василий Шуйский, на четыре года. Городовые дворяне, в том числе курские, на избрании нового царя не присутствовали. Смутное время продолжалось. Появился Лжедмитрий II, «тушинский вор», пошли бунты против Шуйского, в Тушине в 1608 году образовался параллельный «царский» двор, и было «Московское осадное сидение». Впоследствии за «осадное сидение и неотъезд к Тушинскому вору» дворянам и детям боярским по указу царя Василия Шуйского активно раздавались «в вотчину из поместья со ста четей по двадцати четей». То есть поместья увеличивались на 20% по территории. Эти грамоты при следующем царе, Михаиле Федоровиче Романове, надо было обменять на новые в поместном приказе после проверки.

Тем временем татары, пользуясь политической и военной неразберихой в центре Московского государства, усилили набеги на Белгородско-Курский край. Помимо татар, в края вторгались множество казачьих и прочих «воровских» отрядов, что держало дворян и детей боярских в постоянном напряжении и в боях. В августе 1610 года в городах Курского края была

получена из Москвы грамота, в которой говорилось: «Видя междоусобие между православными христианами, польские и литовские люди пришли в землю Московского Государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри разорили, святыне поругались и хотят православную веру в латинство превратить; Польский король стоит под Смоленском, гетман Жолкевский - в Можайске, а вор - в Коломенском, литовские люди по ссылке Жолкевским, хотят Государством Московским завладеть, православную веру разорить, а свою латинскую ввести». В грамоте говорилось об уходе Василия Шуйского с царства - «и Государь Государство оставил, съехал на свой старый двор и теперь в чернецах... И вам бы всем всяким людям стоять с нами заодно и быть в соединении, чтобы наша православная вера не разорилась, и матери бы наши, жены и дети в латинской вере не были».

Через четыре месяца Лжедмитрий II был убит. Война с поляками продолжалась, и в 1611-1612 годах князь, стольник и воевода Дмитрий Пожарский и нижегородский гражданин Кузьма Минин формируют в Ярославле народное (земское) ополчение и в октябре 1612-го освобождают Москву от поляков и литовцев.

Все это смутное время, все девять лет войн, неразберихи и рваного межцарствия, курские дворяне и дети боярские продолжали нести полковую, городовую и сторожевую службу, при всей ее нестабильности и неустройствах. Указ Боярской Думы постановил выйти всем дворянам без исключения на службу 29 мая 1611 года, и у тех, кто не вышел, были отобраны поместья. При этом Указ специально отмечал - «Не отнимать поместий у жен и детей умерших и побитых дворян» [1]. Последующим указом 30 июня 1611 года было постановлено - «поместья и вотчины, розданные без земского приговора, отобрать назад и раздать поместные и вотчинные земли беспоместным и разоренным детям боярским». Имелись в виду поместья, розданные по указам Лжедмитрия в Тушине, и польско-русским правительством в Москве, и русским правительством «всей земли» под Москвою, и в польском лагере под Смоленском, и в шведском лагере в Новгороде [1].

В 1613 году на престол всходит Михаил Федорович Романов, в свои неполные 17 лет. Из Курского края на Соборе 1613 года, избравшем государя, была целая делегация из дворян и детей боярских. Все они подписались на Утвержденной грамоте за Курскую землю [1].

Период царствования Михаила, с 1613 по 1645 год, для дворян и детей боярских *курчен* был насыщен военно-боевыми событиями. Это было время упорядочения и устройства государственной жизни, время возрождения

России, но и время на юго-западных границах смертельно опасное. Так в чем мог принимать непосредственное участие сын боярский рейтарской службы Иван Клёсов? О рейтарах поговорим чуть позже, а пока – об общей службе дворян и детей боярских.

За год до воцарствования Михаила, в 1612 году, польский гетман Жолкевский напал с 70-тысячным войском («поляковъ, запорожцевъ и всякаго сброда») на Курск, по дороге взяв Белгород, Путивль и Орел. Поляки не смогли овладеть городом, и после более чем месячной осады отступили. Вообще картина была до мурашек по коже русская – поляки штурмуют крепостные стены Малого Острога, в котором укрылись немногочисленные защитники, а те ходят «крестным ходомъ вокругъ со спискомъ съ чудотворнаго образа Знаменія Пресвятыя Богородицы Курскія (настоящая икона была въ Москве)». Потом, воодушевившись, открыли ворота и ударили по осаждающим с такой силой, что «Жолкевский после этого приступа решилъ отступить отъ Курска». Потом последовал еще удар осажденных, и «когда после вылазки Жолткевский узналъ размеры потери поляковъ, то онъ въ ту же ночь потихоньку удалился отъ Курска, такъ что, когда утромъ куряне со стены крепости взглянули на вражій станъ, то сразу не поверили своимъ глазамъ: место стана было пустынно и безмолвно» [5].

В честь этого в городе был основан Знаменский монастырь.

А.А.Танков приводит тексты донесений царю о ратных подвигах дворян и детей боярских Курского края по изгнанию польских и литовских войск. Описано, как в боях «литовских людей побили многих, а иных переранили и во всем их осилили». Донесение продолжает, уже про другую схватку – «и с ними бились с сильным боем, и стали те Литовские люди ... *три недели и бились с ними по вся дни день и в ночь*, а на четвертой, Государь, неделе марта в 16-й день, прося у Бога милости, ходили они (русские) станом на Литовских людей на обе стороны и бились с Литовскими людьми под их станами *день и ночь безпрестанно* ... Литовских людей побили многих и переранили и языки и знамена многие у них поимали, и из станом с обеих сбили, и станы их пожгли, и те Литовские люди побежали... А языки, Государь, и переезжие Литовские люди в распросе сказывали, что Литовских людей было в дву таборех тысяч с шесть, да к Литовским же людем пришли на прибавку марта в 16-й ... 400 человек, да тово ж числа пришел в Путивль с Ржищева Збаровской, а с ним Литовских людей 700 человек».

Это было, продолжает А.А.Танков, первое радостное известие вновь избранному государю, известие о настроениях края и его боевой мощи.

И это все помимо практически непрерывных военно-боевых походов на западных и южных рубежах края и страны, походах против поляков, литовцев, татар и черкас (запорожские казаки). В 1616 году дворянская конница в Посемье составляла – в Рьльске 232 человека, в Путивле 274, в Осколе 223, в Белгороде 136, и в Курске 753 человека дворян и детей боярских [1].

В том же 1616 году литовские войска вторглись в Курский край, и против них был послан отряд в 340 конницы курских детей боярских, вместе с отрядами из Путивля и Чернигова. В 1617 году литовцы опять появились в крае, и из Курска в передовой полк было направлено 380 дворян и детей боярских, и «с огненным боем атаманы и казаки и стрельцы». Литовцы отошли. В 1618 году – следующий набег в Курский край литовцев, и по указу государеву войскам предписывалось, чтобы «береженье держать великое, чтобы Литовские люди и русские воры на них в походе украдом и обманом не напали и какого дурна не учинили». Царский указ к воеводам Курского края в 1620 году предписывал «держатъ дворян и детей боярских о дву конь» на случай прихода крымских татар [1]. В итоге польский и литовский королевичи прислали с царю Михаилу послов для заключения мира, который и был заключен – «мирное постановление на 14 лет... с первого декабря нынешнего 127 (1619) года до лета 7141 (1633)» [1].

В наступившее относительно мирное время число дворян и детей боярских в Курске достигло относительно большой величины – в 1625 году 885 человек, в 1629 году 864 человека, в 1631 году – 997 человек, в 1642 году – 1130 человек. Хотя мирное время было только относительное, так как татары мира не заключали и заключать не собирались. В 1616 году ногайские татары пришли под Курск. Отряд, состоящий из детей боярских и казаков, разбил их наголову в 15 верстах от города, и отбил пленных русских мужчин, женщин и детей. В 1622 году был разбит большой отряд татар, вторгнувшийся в Курский край. В 1623 году войско татар из Орловского края пришло в Курский, и им навстречу был послан конный отряд курчан детей боярских численностью в 300 человек, вместе с казаками и 100 человек пехоты с огненным боем. Как пишет А.А. Танков, «произошла страшная битва, и татары были разбиты совершенно». В 1628 году отряд курчан дворян и детей боярских встретил татар, которые успели захватить много пленяников, в 100 верстах от Курска, и освободил русских пленников. Татары направились к Курску, и здесь ночью, в 10 верстах от города, татары были разбиты и их начальники взяты в плен [1].

В 1632 году литовцы и татары напали на Белгород, татары взяли много пленных, и приблизились к Курску; объединенный отряд детей боярских Курска и Рьльска разбил татар в сражении. Путивляне отбили нападение

литовцев. В 1633 году польское войско разорили Белгород и поместья вокруг города. Ободренный успехами, другое польское войско, под командованием гетмана Вишневецкого, направилось на Курск, осадили его, и после долгого времени, разорив окрестности, не взяв города, и потеряв много людей убитыми и ранеными, отступили и ушли в свои пределы [1]. Поляки вторгались в Курский край и в следующем, 1634 году, и осадили Курск. Воевода Петр Григорьевич Ромодановский так описывает это событие: «Апреля в 4-й день пришли под Курск из Комарицкой волости Литовские люди и Запорожские Черкасы... да четыре пушки с ними наряду, а с ними войска 12000 человек и приступили к городу и острогу многими приступы с примёты (горючие вещества) и хотели город (крепость) зажечь, а слободы разграбить. И я... послал на вылазку голов, а с ними Курчан детей боярских и всех ратных людей, и головы с Курчаны на вылазке многих Литовских людей побили и языки поймали 13 человек, языки от ран помирали, а мы слобод около острога жечь не дали. А стояли Литовские люди под Курском апреля с 4-го дня по 16-е число и пошли они от Курска тою же сакмою, что приходили в прошлом году под Курск».

В ответ военные отряды Курского края взяли приступом такие значительные города Польского королевства, как Борзна и Полтава. [1]. Это вошло в историю как война России с Польшей 1633-1634 гг, мир в которой был заключен 17 мая 1634 года.

В 1641-1642 гг в Курском крае произошла «измена курских черкас», которые стали уходить в Литву. Из Курска за ними направили военный отряд с посланием, «чтобы они, Черкасы, помня ... крестное целование и жалованье, поворотили назад в Курск и *вину свою ... принесли*, а будет они назад не поворотятся и вины своей ... не принесут, я велел (писал воевода) головам ... Государевым над теми изменниками Черкасами *делом промышлять* сколько Милосердый Бог помочи подаст». По докладной воеводе, «те изменники Черкасы уговору Русских ратных людей не послушали, в Курск не поворотили и, укрепясь обозом, идут Бакаевым шляхом к Литовской стороне, а с Хотмышскими ратными людьми бьются". И - окончательная докладная - «Военный отряд возвратился... Начальные люди передали воеводе о том, что отряд разбил изменников Черкас, ратные люди побили и переранили их и захватили языков, жен и детей Черкас».

Так что военно-боевая служба дворян и детей шла фактически непрерывно и интенсивно, в период формального мира и реальных войн. В то же время была налажена правильная организация выдачи жалованья, обмундирования (точнее, сукна и кирас, шили сами) и некоторого вооружения дворянам, детям боярским и вообще всем служивым людям. Дворянам и детям боярским были по повелению государя выданы

поместные оклады. Среди получивших поместный, земельный оклад в 1639 году был Иван Клёсов.

Дети боярские и рейтары

В «Смотренной Книге Курска 1652 года» в разделе «Дети боярские, городовые» (РГАДА, ф. 210, Книги Белгородского стола, дело № 10, лист 191) указано, что Кирей Иванов сын Клёсов прибыл на службу на коне с пищалью, и жалован окладом в 300 чети (180 гектаров) и 10 рублей.

Кстати, 10 рублей по тем временам были неплохие деньги. Десятина земли, или примерно гектар, в первой половине 17-го века стоила – для двorcовых земель четыре рубля, для поместных земель три рубля с копейками, причем эта цена была практически неизменной от северных уездов Московского государства до южных.

Как видно, Кирей прибыл на очередной воинский призыв отнюдь не мальчиком – было ему 47 лет. Но по тогдашним порядкам дворяне и дети боярские служили всю жизнь в буквальном смысле – до смерти или тяжкого увечья. В отставку они выходили нечасто, как правило, по немощной старости или болезни.

Так что такое «городовые» дворяне и дети боярские? Это те, которые, в отличие от «московских», жили в городах, к которым были приписаны. Этот титул пошел с тех времен, когда с образованием Московского государства дворы прежних удельных князей (то есть состав дружин и придворных) не сливались с двором Великого князя Московского, а оставались в уделах, или уездах. Они были поместными владельцами в местах своего пребывания и службы. Они были военнообязанными и представляли главную воинскую силу. Они были военно-дворянским служилым сословием.

И здесь пора перейти к рейтарской службе.

Рейтары – это тяжелая кавалерия. В отличие от драгун, легкой кавалерии, которые для стрельбы спешивались, а потом опять вскакивали на лошадь, рейтары стреляли с коня. Доспехи рейтар иногда были настолько тяжелы, что на коня в поле им уже без труда было не взобраться. Рейтарские уставы были в основном скопированы с западно-европейских (Reiter – по-немецки всадник), и российские рейтары служили обычно в войсках иноземного строя, где служили вместе с иностранными инструкторами. Само слово рейтары ушло вместе с эпохой Петра Первого, как ушли понятия

«Рейтарский приказ» (1651- 1680 гг), за ним «Иноземный приказ» (до 1701 г.) и «Приказ военных дел», который стал военной коллегией в 1717 году.

Разные виды войск с иноземными названиями, в том числе рейтарские полки, были введены с начала 17-го века, с царствования Бориса Годунова, и особенно при царе Михаиле, когда стала окончательно ясна несостоятельность русского военного строя [6]. В рейтарские полки набирали городских дворян, дворянских детей недорослей, детей боярских и прочих вольных людей, но непременно со своими лошадьми. Для набора в рейтары надо было приезжать «конны и оружны». Новому воинскому строю учили их иноземцы, или свои стольники и дворяне, которые уже выучились.

Но поскольку многих дворян и детей боярских повыбили во время тяжелых и продолжительных войн царствования Алексей Михайловича, то набор в армию стал жестким. Вот как описывает это С.М. Соловьев: «в 1653 году поскакали по городам посланцы государевы; приедет в город, собирает дворян и детей боярских на съезжий двор, говорит им государево милостивое слово и их тем обнадеживает, чтоб дети их, братья и племянники, которые не в службе и поместьями не наделены, писались в солдатский строй, будет им непременно государское жалованье и милость, велит государь их написать по московскому и по жилецкому списку, будет им и корм, и денег дадут на платье; а если в солдатский строй писаться не станут, то вперед им служилыми людьми не называться и в государевой службе отнюдь не бывать, а быть в землепашцах». Это, правда, не о рейтарах, хотя и там призыв был жестким, о чем упомянем ниже.

А насколько повыбили, говорят следующие цифры. Если в 1631 году дворян и детей боярских в Курске было 997 человек и в 1642 году 1130 человек, то в 1672 году, за четыре года до окончания царствования Алексея Михайловича, детей боярских в Курске было 614 человек, из них 175 – полковой службы, и 439 – службы городской [2].

Возвращаемся к Клёсовым в то военное время.

Военно-боевая служба дворян и детей боярских

В столбцах Белгородского стола «Сказки курчан о службе 1675 года» (РГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, дело № 732, лист 40) отмечено, что Сергей Киреев сын Клёсов (рожд. ок. 1630), то есть внук Ивана, в докладе думному дворянину Семену Ивановичу Заборянскому сообщил, что служит Государеву службу в полку в сотенную с городом,

имеет оклад 250 чет и денег 11 рублей, и земной дачи поместье в 35 чет, крестьян и дворовых и задворных людей не имеет, и в прошлом 182 году (1674 г.) и нынешнем 183 году (1675 г.) в полку князя Григория Григорьевича Рамодановского с товарищи был в походе в малороссийских городах.

То, что сын боярский Сергей Клёсов не имел крепостных крестьян – вовсе не удивительно, поскольку в те времена, в 17-м веке, крестьян в Курском крае было очень мало. Все население состояло в основном из служилых людей. Это были фактически военные гарнизоны. У крестьянства, которое до 1591 года имело права свободного перехода, не было желания селиться в тех крайне опасных местах. Так что закон о прикреплении крестьян в Курском крае не имел почти никакого значения. Только в 18 веке крестьяне стали стекаться в тамошние уезды [1].

В другом документе, в «Разборной книге детей боярских по городу Курску и Курскому уезду 1695 года» (ГАКО, ф. 1555, оп. 1, дело № 168, лист 419) указано, что сын Сергея Клёсова Кондрат (рожд. ок. 1655) «служит по Курску полковую рейтарскую службу из детей боярских вместо умершего рейтара брата своего Максима Клёсова», и только что, в 203 году (1795 г.), он вернулся в отпуск из Казикерменского похода, где служит в полку стольника и воеводы Ильи Михайловича Дмитриева Мамонова, и поместье его, Кондрата, 30 чет. В Книге указано, что по докладу Кондрата «впредь на службе Великих Государей будет он на коне, ружья у него государева каробин да пара пистолей и то ружье к походу и к стрельбе в целости». И было тогда Кондрату 40 лет. Оклад ему был положен 200 чет и денег 7 рублей.

Брат Кондрата, Василий Сергеев сын Клёсов, по тому же документу (лист 678) доложил, что служит по Курску городовую службу с разбору с 187 года (1679 г.) с окладом 150 чет и денег 6 рублей, и поместье его в деревне Клёсовой Курского уезда Курицкого стану 17 чет.

Здесь упоминаются полковая и городская службы детей боярских. Эти понятия нуждаются в определении. В отличие от службы городской, гарнизонной, полковая служба была походной, боевой, в передвижном войске. Городовую службу дворяне и дети боярские несли в составе гарнизона в том городе, в каком были записаны и имели в уезде этого города поместье. Полковая служба была, понятно, более почетной.

Хотя и там были нюансы. По указу царя Федора Алексеевича в 1678 году надлежало всех дворян и детей боярских призывать на службу, поскольку пошли уклонения от сборов. У кого по переписи оказывалось в

собственности менее 23 крестьянских дворов, того верстали в рейтары с жалованием 24 рубля в год, но с вычетом по рублю с каждого двора. Получалось, что при многих дворах из жалования ничего не оставалось. Рейтара служба кормит, да воинские трофеи. Видимо, по тому же соображению пустопоместным (с дворами, но без крестьян) и беспоместным жалования вообще не было положено. А вот у кого было более 24 дворов крестьян, тем определялось служить полковую службу «с городом», в сотенной службе. Тем дворянам из этой категории, кто хотели быть рейтарами, «тех записывать и сказать, что Государь за это их позволяет, но без жалованья». Но это практически не относилось к курчанам, у которых крестьян, как правило, не было по причине их почти полного отсутствия в крае. Об этом упоминалось выше.

Короче, рейтарскую службу несли практически без денежного жалования. Но за саму выслугу рейтары наделялись поместьями, опять в зависимости от вида и продолжительности службы. В любом случае, в рейтарских, драгунских и других полках дворяне и дети боярские занимали обычно должности «начальных людей», то есть начальников, командиров.

Временами, в периоды обострения активности военно-боевой службы, число доступных для несения службы дворян и детей боярских настолько уменьшалось, что привлекали и нестроевых. Во второй половине 17-го века по Царской грамоте Курский воевода получил разрешение посылать на заставы отставных дворян и детей боярских, то есть вышедших из состава военно-служилого сословия по старости или болезням [1]. И это были не единичные случаи.

То, что дворянам непременно надо было служить, определялось и царским указом 1677 года. По нему дворяне и дети боярские, которые записаны с городом, но не служили, не могли быть произведены в выборные дворяне – высшей категории дворянства в то время. Кстати, помимо городских и выборных дворян, еще были дворовые дворяне. В разряд дворовых дворян зачислялись городские дворяне за проявленные доблести и заслуги.

Надо сказать, что военная служба в Курском крае, которая называлась «служба кровию и смертию», таковой и была. Из-за непрерывной военно-боевой службы число погибших и раненых дворян и детей боярских было настолько велико, что привлечение нового пополнения проводилось жестко, о чем упоминалось выше. В документах конца 16-го века говорится о силах «Турского, и Крымского, и Нагай, и Литовского короля, с ним же совокупишася ярым образом Польша, Угры, Немцы Лифлянские и другие Свейские». Удары этих сил обрушивались обычно на юго-западную со стороны Москвы часть государства, а именно на Курский, Рьльский,

Путивльский уезды. Из Дикого Поля постоянно набегали татары, часто уводя в полон людей сотнями. Города и поместья подвергались жестокому разорению. Это держало дворян и детей боярских в постоянной разведочной и сторожевой службе.

Как пишет А.А. Танков, «Польские отряды во время нападений и войн захватывали, главным образом, военных людей, тогда как татары по преимуществу влекли в плен из поместий, вотчин, сел и деревень беззащитных людей и томили их в плену, откуда возвращались далеко не все и не всегда. Увод в татарскую неволю сопровождал каждое нападение татар, ногаев и других хищных степняков».

Поражают громадные расстояния, которые должны были преодолевать регулярные сторожевые разъезды местных дворян, детей боярских и казаков в обширных степных окраинах Московского государства. В боярском приговоре 1571 года было сказано: «А посылати на Донецкия сторожи детей боярских... А служити с поместий и посадских земель, да с денежнаго жалования». Сторожевые разъезды отстояли друг от друга на полдня, на день, а порой и на два и три дня конного пути. Тем не менее, между ними была постоянная связь. В донецкой степи, например, было семь сторож (застав), причем ближайшая от Рыльска и Путивля отстояла на четыре дня конного пути, более 300 верст по лесам, болотам, степям. Последняя, седьмая, отстояла от Рыльска и Путивля на 430-450 верст. И все это – в пределах татарских кочевий. Для доставки вестей бывшие на сторожах дети боярские должны были проскакать эти громадные протяжения, да еще часто по территории неприятеля. Так что сторожевая служба считалась исключительно трудной и опасной. Места те политы кровью дворян и детей боярских. Как пишет А.А. Танков, цитируя старые источники, «не столь часты деревья в лесу, как татарские кони в поле, их можно уподобить туче, которая появляется на горизонте и, приближаясь, более и более увеличивается. Вид их легионов наведет ужас на воина самого храброго. У каждого татарина имеется еще по две запасных лошади... в случае преследования татарин, несясь во весь опор, перескакивает с усталого коня на заводного, прежний конь начинает скакать с правой стороны своего хозяина, чтобы тот, в случае нужды, мог снова перескочить на него».

Вот с такой грозной силой и боролись ополчения дворян и детей боярских Курского края. Среди них были дети боярские Иван Клёсов и его сын Кирей, и сын Кирея Сергей, и сын Сергея Кондрат, и братья Кондрата Василий и Максим, о которых речь шла выше, и сын Кондрата Афанасий Клёсов. А также братья Кирея Савва и Лука Клёсовы, сын Саввы Остахей (сын боярский, призывы на службу в 1626 г. [7], 1636 г. [8], 1639 г. [9] и 1645 г.

[10]), сын Остахея Иван (рейтар, призыв 1675 г. [11]), сын Ивана Михаил (рейтар, призыв 1697 г. [12]), сын Луки Антон (сын боярский, призыв 1639 г. [13] и 1645 г. [14]), сын Кирея Прокофий (рейтар, призыв 1675 г. [15] и 1682 г. [16]), сын Прокофия Иван (рейтар, призыв 1697 г. [17]), брат Ивана Антип (городовой службы, призыв 1697 г. [18]). И, помимо них и вместе с ними Иов Клёсов и сын его Самойла (рейтар, призыв 1697 г. [19]), Дементий Клёсов и сын его Афанасий (сын боярский, призыв 1630 г. [20]), сын Афанасия Павел (рейтар, призыв 1675 г. [21]), сын Павла Потап (копейщик, призыв 1697 г., [22]), Карп Клёсов и сын его Леон (рейтар, призыв 1697 г. [23]), брат Леона Михаил (городовой службы, призыв 1697 г. [24]), еще один Леон Клёсов и сын его Степан (того же призыва 1697 г., рейтар [25]), Тимофей Клёсов и сын его Савва (сын боярский, призыв 1645 г. [26]), Кирилл Клёсов и сын его Трофим (городовой службы, призыв 1697 г. [27], и Захар Клёсов, пушкарь, призыв 1645 г. [28]).

Все тридцать два Клёсовых – курские. Курчены, как тогда говорили.

Времена те для жизни в Курском крае были опасные. В переписных полоняничных книгах того времени шли бесконечные записи о татарских набегах на города, деревни и поместья и уводе ими пленников. Напомню, что поместье Ивана Клёсова было образовано в 1639 году. Через пять лет, в 1646 году на Курский уезд произошел крупный набег татар. Как пишет А. Танков, «Из списка полоняников видно, что из 34 дворянских поместий Курского уезда были схвачены дворяне – старики и малолетние, дворянки – женщины и девушки, таким образом 34 дворянских семейства были повлечены татарами в тяжкое рабство. За ними вели крестьян с их семействами... Тридцать четыре поместья было разорено и дымилось в развалинах... Азиатские хищники, возбужденные своею хищническою удачей в Курском уезде, не спешили оставлять пределов Курского края, а двинулись своей ордой в Рыльский уезд. Здесь в начале они действовали успешно, но потом храбрый отряд рыльских ратных людей в жаркой битве с татарами отбил у кочевников Курчан детей боярских и их жен и детей, мальчиков и девушек, и крестьян с семействами их, всего – 439 человек». И далее – «Недаром у каждого дворянина и сына боярского, у всякого помещика все его доспехи и вооружение висело на стене у его кровати».

Цитируем опять А.Танкова: «В 1680 году в Курско-Белгородском крае совершился страшный по своим кровавым последствиям татарский погром, более всего отразившийся на местном дворянском военно-служилом сословии и в значительной степени захвативший огнем, мечем и пленом лиц и других сословий... В Белгороде и в Белгородском уезде было побито, сгорело и в полон взято татарами 471 человек мужчин и 368 женщин... Большинство погибших страшной смертью и попавших в тяжкую неволю

были дворяне и дети боярские с женами и детьми и другие ратные люди. Бросившись на дворянские поместья, татары избивали там беззащитных детей в возрасте от 15-ти лет до грудных младенцев. Всего пострадало детей 294 человека, в пламени погибло 28 мальчиков, от четырех лет до полугода, и 42 девочки». «Всего же за один 1680-й год (татарами) было взято, побито и пожжено всяких чинов людей, жен и детей 3 258 человек, да у них же взято 24 193 головы скота, 4 828 ульев с пчелами, сожжено 4 церкви, 688 дворов, 4 мельницы, 8 хуторов».

Опустошив уезд, татары или ногайцы удалялись в степи на 30 или 40 верст от границы, останавливались в безопасном месте, отдыхали, собирали и делили между собою добычу, состоявшую из пленных и домашнего скота. Профессор Д.И. Багалеи пишет в «Очерках из истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства. – Чтения в обществе истории и древностей российских. 1886»: «“И бесчеловечное сердце тронется при прощании мужа с женою, матери с дочерью, навсегда разлучаемых тяжкою неволею, а зверские мусульмане бесчестят жен и девиц в глазах мужей и отцов, обрезают детей в присутствии родителей, одним словом совершают тысячи неистовств. Крики и песни буйных татар, стоны и вопли несчастных Русских приведут в трепет и жестокою душу. Пленники отвозятся в Крым, Константинополь, Анатолию (Малую Азию) и другие страны. Поделив пленных, татары уводят их в улусы и продают в рабство”.

«Недаром также по селениям Белгородско-Курского края при появлении в известной местности татар, население ее кричало *"Татары идут, смерть наша идет!"* Таков был вопль отчаяния мирного населения. Ратные же люди на конях - дворяне и дети боярские впереди всех, должны были немедленно - во всякое время дня и ночи схватываться с татарами и биться до последней капли крови. Обстоятельства жизни и быта Курского края в 16 и 17 веках были таковы, что изо всех ратных людей, стоять на первом месте приходилось дворянам и детям боярским, кроме того они были начальными людьми и над отрядами драгун, рейтар, казаков и проч.» [1].

С этим и были связаны походы, в которые ходили внук Ивана Сергей и правнук Кондрат Клёсовы. Что это были за походы в полку Ромодановского в 1674-1675 гг, и что за Казикерменский поход в полку Мамонова в 1694-1695 гг?

Походы Чигиринский, Азовский и Казикерменский

Походы с Ромодановским были частью операций, предпринятых царем Алексеем Михайловичем перед концом своего царствования, для

утверждения за Россией правобережных территорий Малороссии. Левобережная сторона Днепра (со стороны России) была воссоединена с Россией еще после Переяславской Рады, в 1654 году. А правобережная оставалась под сильным влиянием турок. Гетманом на обеих сторонах Днепра, то есть единым гетманом Украины в 1674 году был признан Самойлович, но Дорошенко, прежний гетман Западной Украины, резиденция которого была в Чигирине, на правой стороне Днепра, не признавал Самойловича, и маневрировал между запорожскими и донскими козаками и Москвой. В то же время он заигрывал с турецким султаном, и по полученным сведениям, в ходе переговоров с московским представителем послал за подмогой к орде в Крым. Самойлович слал депеши к царю про Дорошенко - «Не только к пашам, но к самому султану и хану знатных людей посылает, также и к полякам. ... На эту сторону он никогда не переедет и старшинства с себя не сложит, того у него и в помышлении не было, нет и не будет... он из этого смех строит и между малороссийским народом разные всеваает небывалые слова». Самойлович просил указа идти на Дорошенка, пока не пришли к нему турки и татары на помощь [6]. Князь Г.Г. Ромодановский с войсками двинулся на Чигирин и осадил его, и Дорошенко, не имея от турок известий, и понимая всю безнадежность своего положения, сдал Чигирин и сложил с себя гетманство. Это был так называемый первый, но далеко не последний поход русских войск и украинских казаков на Чигирин. Собственно, это положило начало серии русско-турецких войн, а точнее войн Османского государства и союзного с ним крымского ханства.

В продолжении этих войн и принял участие Кондрат Сергеев сын Клёсов. Казикерменский поход, который он упоминает в Разборной книге детей боярских, был частью похода Петра I на Азов, так называемого «первого азовского похода 1695 года». Бомбардирскую роту вел *бомбардир Петр Алексеев*, он же *bombardir Piter*. Все лето царь Петр с 35-тысячным войском «добывал» турецкую крепость Азов, забросав ее тысячами бомб, но так и не взял, и осенью вынужден был отступить. Из всех воинских успехов были взяты только две каланчи. С этой воинской неудачи и началось царствование Петра Великого.

Тем временем отряд курян, среди которых был рейтар Кондрат Клёсов, под началом курского воеводы Ильи Михайловича Дмитриева-Мамонова в конце июля того же года взял турецкую крепость Казикермен в низовье Днепра. В штурме крепости принимали участие также гетман Иван Мазепа во главе казацкого войска, и боярин Б.П. Шереметев со вспомогательным московским конным и пешим войском. Обстрел крепости продолжался пять дней ««неусыпно денно и ночью из пушек и мелкого оружия, бросаемый из мортир бомбы», по описаниям казацкого летописца Самийла Величка.

По его же описаниям, «одного вечера в Казикермен было заброшено несколько десятков бомб и малых гранат, стреляли из всех обозов. Как будто от молнии, все было освещено в тот темный вечер». В итоге через подкоп стена была сломана, и объединенные войска ворвались в крепость. Рукопашный бой длился пять часов, и в итоге Казикермен капитулировал. Из двух соседних турецких крепостей, Аслам-кермена и Муберек-кермена, гарнизон бежал в Крым, покинув большие пушки. За эту операцию Мазепа был награжден орденом св. Андрея Первозванного.

Однодворцы

В начале 18-го века передовые аванпосты служилых людей продвинулись к Донцу и Осколу, границы государства российского стали уходить южнее и западнее, и для военно-служилых людей Курского края настало некоторое послабление. Дворянам и детям боярским было более разрешено уходить в отставку и садиться на свою землю, в поместья. Если раньше поместья давали только во временное пользование, на время воинской службы, то постепенно указ за указом ограничения снимались, права на владение поместьем стали переходить к прямым наследникам, к женам с детьми, потом к вдовам, и даже боковым родственникам. Когда у служилого человека «поспевали сыновья в службу», то они или «припускались» к отцу в поместье, или жаловались поместьем в отвод от отца. В итоге, когда с поместьями и их наследием наладилась относительная стабильность, оказалось, что многие дворяне и дети боярские не хотят всю жизнь таскать на боку саблю и призываться в войска до самой старости и смерти, и они стали переходить в помещики и прочие землевладельцы мирного времени. Так начало образовываться сословие однодворцев, или испомещенных служилых людей и их детей. Как отмечает А.А. Танков, в 18 веке в сословие однодворцев перешли многие дворяне, желая освободиться от службы. В 19-м веке им дано было право доказывать свое дворянство и доказав, выслуживать его обратно военной службой.

Об этом же пишет и К.П. Победоносцев в своем «Курсе гражданского права»: «В состав их (однодворцев) поступили впоследствии некоторые старинные дворянские роды, сделавшиеся мелкопоместными, а при Петре I иные дворяне, уклонившиеся от нового порядка службы, имевшие по 100 и по 200 дворов крестьян, тоже записались в однодворцы».

Во многих случаях, впрочем, переход в однодворцы был вынужденным. Реформы Петра, о чем речь ниже, привели к значительному сокращению служилого сословия, в первую очередь городских служилых дворян и детей боярских. Им оставалось или бороться за оставление в войсках, или

переходить на канцелярскую службу, или – в поместье, на свою землю. Многие в такой ситуации выбрали третье.

В целом, после прохождения некоторого времени и ряда указов правительства, сформировалось сословие однодворцев, которые заняли промежуточное положение между мелкопоместным дворянством и крестьянством. Их так и называли во многих документах – вольные крестьяне, в отличие от крестьян барских, помещичьих, а также крестьян удельных (дворцовых), монастырских, экономических (церковных). На современном языке их могли бы назвать фермерами.

Большинство детей боярских не имели крестьян, и после ухода в поместья стали заниматься сельским хозяйством сами, семьей, иногда привлекая наемных работников. Тем не менее, указ от 1631 года определял нормы крестьянских дворов на поместье. В Курском крае эта норма составляла на четверть по восьми дворов крестьянских и по четыре двора бобыльских (безземельные крестьяне, а также торговые и мастеровые, ремесленные люди, позже – «дворовые люди»). Но если раньше поместья были «белой землей», с которой вместо оброка арендатор или владелец нес личную военную государеву службу, то теперь, после ухода в отставку на землю, с нее надо было платить денежный налог. Кстати, землепашеством однодворцы занимались мало, вспахивая и засевая только 10-15% своей земли. В основном они занимались другими отраслями сельского хозяйства, например, садоводством, пчеловодством («бортные ухажеи»), хмелеводством, птицеводством, рыболовством, овцеводством, свиноводством, коневодством.

Административной единицей, с которой платились налоги в государеву казну, являлся двор. Первоначальный двор – это было то самое поместье, выданное в качестве вознаграждения за службу, и в которое «подпускались» дети и ближайшие родственники. Поэтому поместья делились на «дворы» по ходу разрастания семейства. Семьи во дворах жили часто большие – дед с женой, их дети с женами и внуками, порой и правнуки. Мужчины, на которых лежало хозяйство, и назывались однодворцами, их жены – однодворки. Ревизские сказки, в форме которых производилась перепись однодворцев, так и записывали однодворцев – по дворам. Таких «ревизий» между 1720-ми и 1858 годом было десять, хотя были еще более ранние, предревизии, или ландратские переписи.

Примером такого большого двора был первый двор в деревне Клёсовой по 1-й ревизии Курецкого стана 1710 года – хотя фактически сама ревизия была в 1719-1722 гг (ГАКО, ф. 184, оп. 4, дело № 12, лист 177), шедший по категории «Однодворцы, рейтары». Сейчас социологи такой двор назвали

бы «кластерным». Во дворе записаны Афанасий Кондратьев сын Клёсов (внук Сергея, сына боярского), 35 лет от роду, его жена, семилетний сын и годовалая дочь, два племянника возрастом 16 и 18 лет, жена старшего племянника и их 6-месячная дочь. Восемь однодворцев на одном дворе. В соседнем дворе жил второй внук Сергея Клёсова, 50-летний Еремей Васильев сын Клёсов с семейством, в третьем дворе брат Еремея 40-летний Иван с семейством, в четвертом дворе их брат 30-летний Григорий с семейством, в пятом вдова их брата Матвея с семейством, и так далее. Всего дворов в деревне в то время было 12, и жили в них 35 «однодворческих душ».

В 1744 году вторая ревизия показала, что в деревне Клёсовой живут уже 70 человек – 69 однодворцев и один наёмный крестьянин. К началу XX века неполная родословная Клёсовых насчитывала 176 человек, а до наших с женой двух внуков сейчас насчитывает 16 поколений. А всего потомков Ивана Клёсова с 16 века уже и не сосчитать. Должны быть многие сотни. Хотя гражданская война и Великая Отечественная их количество резко поубавили – непосредственно и опосредованно.

Не надо думать, что эти дворы следовали вплотную друг за другом. Никакой тесноты не было, во всяком случае поначалу. Триста четвертей, 180 гектаров (в случае поместья Клёсовых) – это большая территория. 250 современных футбольных полей. Поэтому дворы располагались по разным сторонам реки, в разных краях поместья. Или как удобнее соседям-родственникам. Да и тем, у кого было 20 четвертей, семнадцать футбольных полей – места тоже было достаточно. Со временем, конечно, шло умножение дворов и их соответствующее дробление. Дети обычно делили землю отца поровну, исключения были связаны с гибелью детей или уходом их на службу и при переездах. То есть в однодворческих деревнях были все признаки родовой общины. Такие общины были крайне замкнутыми, посторонние допускались на землю крайне редко. Редкими посторонними были зятья. Редкими они были потому, что дочери обычно уходили к мужу в его деревню, как правило, такую же однодворческую, и часто носящую название по фамилии ее жителей. Зятья редко приходили во двор к дочери, поскольку сестра при братьях своей доли обычно не получала. Разве что когда дочь – единственная наследница. И то – нечего зятю здесь делать, земля выслуженная, жалованная, и в поместном приказе за предком и потомками записанная.

Родословная Клёсовых изобилует примерами ухода дочерей в такие однодворческие деревни, и прихода из таких же:

Ревизская сказка 1763 года –

-- Парамон Афанасьевич (1713 г.р.), жена Екатерина, взята Курского уезду из деревни Анахиной дочь однодворца Анахина.

-- Матвей Парамонович (1740 г.р.), жена Акилина, взята из деревни Якшино дочь однодворца Якшина.

Ревизская сказка 1782 года –

-- Григорий Парамонович (1748 г.р.), жена Устынья, взята Фатежской округи деревни Шуклиной дочь однодворца Анисима Шуклина.

-- Дочь Парамона Афанасьевича Василиса (1761 г.р.), выдана в замужество Курской округи в деревню Перкову за однодворца Акима Перкова.

-- Авдей Яковлевич (1740 г.р.), жена Мавра, взята Льговской округи деревни Полячковой дочь однодворца Ивана Полячкова.

-- Евпат Лукьянович (1734 г.р.), жена Екатерина, взята Курской округи деревни Умрихиной дочь однодворца Степана Умрихина.

Ну, и так далее. Бывают и забавные варианты. Запись в церковной книге: - О браке сочетавшихся. Жених - Дмитриевского уезда деревни Клёсовой Тимофей Феодоров Клёсов, православного вероисповедания, 19 лет. Невеста - той же деревни Елена Яковлева Клёсова, православного вероисповедания, 17 лет. Поручители по жениху - деревни Клёсовой Сергей Амвросиев Клёсов и Кондрат Феодоров Клёсов; по невесте - той же деревни Тимофей Захариев Клёсов и деревни Яковлевой Сидор Петров Яковлев.

Другая запись. Жених - Дмитриевского уезда деревни Клёсовой Иван Феодоров Клёсов, православного вероисповедания, 26 лет. Невеста - той же деревни Татьяна Иванова Клёсова, православного вероисповедания, 19 лет. Поручители по жениху - деревни Клёсовой Власий Архипов Клёсов и Кондрат Феодоров Клёсов; по невесте - той же деревни Стефан Семионов Клёсов и деревни Пыхтиной Льговского уезда Стефан Иванов Пыхтин.

И таких - немало. Но это уже 19-й век, род разбежался по ветвям.

Земля, полученная в поместье, путем испомещения служивых людей, называлась четвертной, а право владеть этой землей называлось четвертным правом. «Позятъевщина», когда «приставший на наследницу» зять-чужеродец входил в четвертную общину, обычно не давала

формального четвертного права, и формальными земельными актами не оформлялась. Крепостных крестьян среди них, конечно, не было, поскольку не пойдет свободная однодворка за барского крепостного. Поэтому женихи и невесты были сплошь однодворческие, из своего круга. Н.А. Благовещенский отмечает, что однодворцам было присуще «страшное чванство своим происхождением и высокомерная родовая нетерпимость к низшим сословиям». И далее – «Многие из них были дворяне и притом истинно родовитые», но попали в подушный оклад за нежелание служить.

И вот здесь перейдем к подушному окладу, и вообще к судьбе однодворческого сословия в России. Она, эта судьба, является результатом нескольких характерных российских процессов – исчезновение заметной части дворянства с перетеканием дворян в фермерство, в крестьянство, вытеснение патриархального уклада более мобильным, агрессивным, «безродным», и, как база всего этого – безжалостная роль государственной машины в перемалывании уклада российской жизни, что в итоге и привело к падению государства Российского.

Об этом же можно сказать и другими словами – всё перечисленное отражало объективный процесс «индустриализации» и, в частности, развития земледельческой промышленности России, начиная с Петра I, процесс, который Россия с ее укладом не выдержала.

Пошло это ускоренным порядком, начиная с реорганизации Петром русской армии. Прежние смотры, разряды, разборы, ревностное сохранение «чистоты» военной структуры и забота о служилых людях путем их испомещения, раздачи поместий, заменились унифицированными постоянными войсками и способом их содержания. Вместо внимательного отбора тех, кто «конен и оружен», и содержания служилых в большой степени за их же счет, пошел работать армейский конвейер, который полностью оплачивался казной – и коней, и оружие, и обмундирование, и провиант, и все остальное. Страна разделилась на две части – на тех, кто служил и воевал, и тех, кто армию содержал. Содержал, естественно, за счет налогов, податей, оброка, тягла. Россия с ее патриархальным укладом для этого не годилась. Страна напряглась. Для такого резкого поворота в общественных отношениях и были нужны реформы Петра I.

Лозунг Петра «в России никто землями даром не владеет» на деле означал сильное «изобречение», налогообложение земли в частной собственности. И в этом смысле однодворцы как сословие – это по сути творение Петра I. Напомню, что поначалу однодворцы были в основном дворяне и дети боярские, набравшиеся «по отечеству», оставившие службу и занявшиеся

сельским хозяйством. В рамках задачи по «индустриализации» страны это сословие за 100-150 лет было безжалостно унифицировано и лишено прежних прав. Сначала к ним, однодворцам, присоединились и представители более низкого разряда служилых людей, набравшиеся «по прибору» - пушкари, копейщики, затынщики, казаки, получавшие значительно меньшие земельные наделы, как правило, не больше 10-25 чет. Далее рядом указов было достигнуто внутреннее перемешивание этого сословия, перевод его с четвертного права на подушное, и в итоге формальное превращение в крестьянство - «казенное», и потом «государственное».

Никто, конечно, в правительстве такой план специально не вынашивал. Это происходило само собой, и подстегивалось очередными указами, как часть движения России по пути экономического развития.

Пролистывая содержание однодворческих «ревизских сказок», от первой, в 1710-1724 годах, до десятой, в 1858, мысленно отмечаю вехи в уничтожении прежнего уклада жизни прежних детей боярских, севших на свою выслуженную, заслуженную землю, в свои поместья.

1-я ревизия, все Клёсовы, все 12 дворов, отмечены как «Однодворцы, рейтары», или «Однодворцы, городовые» (ГАКО, ф. 184, оп. 4, дело № 12, лл. 177-179). Других не было. Городовые - значит, вышли в отставку со службы, прикрепленные по городу, как описано выше. Окладу со двора, то есть подворный налог, с рейтар-однодворцев тогда брали тридцать алтын, то есть 90 копеек, с однодворцев-городовых - два рубля со двора. Через год, в 1711-м, указом Петра I однодворцев формально отнесут к отдельному сословию, то есть группе подданных, которые по делам своей общественной деятельности имеют юридическое право и возможность совещаться (со-словие). Как пишет Н.А. Благовещенский, по последующему указу от 14 мая 1723 года «в новое сословие однодворцев вошли все прежних служб служилые люди, не исключая и городских дворян».

Одновременно с тем для однодворцев была учреждена дополнительная подушная подать «по четыре гривны с души», которая получила позже название «оброчной подати». Это было добавлено к подворному и подушной подати, и суммарный налог составил в среднем рубль и 10 копеек с души. Это были по тем временам большие деньги. И далее Н.А. Благовещенский пишет - «Вся сила этого нового установления заключалась в том, что вольные люди, прежних служб служилые, были приравнены к крестьянам; земли их, некогда данные за прямую службу и ради этой службы, были изоброчены, сделались тяглыми землями». Наконец, сверх всего, указом Петра от 1724 года однодворцы были прикреплены к земле,

которую они не имели права ни продавать, ни покидать, и была введена круговая порука на однодворческую общину. Иначе говоря, если однодворцы уезжают, покидают общину, то оставшиеся выплачивают за них все подушные налоги. Казне нужны были деньги.

Нечего и говорить, что такие меры не приводили к повышению духа однодворцев. Они видели в них откровенное ущемление своих прав. Вообще реформы Петра прошлись катком по земельным отношениям в России. Правда, в то же время они способствовали созданию однодворческих общин.

2-я ревизия, 1744 год. Почти двадцать лет прошло после Петра I, страной правит его дочь Елизавета Петровна. Россия в целом справилась с последствиями петровского финансового кризиса, наступила относительная стабильность. Дальнейшее закрепощение помещичьих крестьян и запрещение поступать им по своей воле на военную службу (указ от 1742 года) моих однодворцев не коснулось, поскольку у них таких крестьян не было. Точнее, по ревизии в дополнение к 69 однодворцам деревни Клёсовой был один крестьянин (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 15, л. 427). Работали Клёсовы сами.

Между тем, со времени первой ревизии в отношении однодворцев произошло важное новшество – «по распоряжению правительства, в 1712 году все однодворцы, не поступившие в регулярную службу, написаны в одну статью, а в 1724 году причислены к государственным крестьянам» [29]. Государственные крестьяне – потому, что платят налоги в государственную казну. Именно поэтому их еще называли казенными крестьянами. В.И. Даль в своем «Толковом словаре» приводит старую поговорку – «Казенный крестьянин живет, как бог велит, а барский, как барин рассудит».

Вот так и происходил переток отставных дворян и детей боярских в крестьянство. И переток был довольно массовый.

3-я ревизия, 1763 год. Год назад на престол взошла Екатерина II, которую позже назовут Великой. **Через три года, 14 декабря 1766 года, они издали манифест**, которым представители разных сословий призывались в особую комиссию «не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места», но и «для заготовления проекта нового уложения». 30 июля следующего, 1767 года была созвана «Комиссия для сочинения проекта для нового уложения» из 565 депутатов всех сословий, кроме крепостных крестьян. В Комиссию вошли представители поместного дворянства, чиновники, однодворцы, представители казачества и прочие сельские обыватели.

Наказ однодворцев в Комиссию напоминал, что «после прапрадедов и прадедов наших деда и отцы наши, разных служб – рейтары, копейщики, козаки, пушкарки и прочие разного чина люди, в том числе кои служили предкам вашего императорского величества дворянскую службу... жалованы за те службы вотчинами и поместными землями... и по усмотрению главных генералитетов... выбраны в гвардию в лейб-компанию и произведены в штап- и обер-офицерские ранги». Далее Наказ сообщал, что на тех, кто ушел в отставку, не было «всякого на них положенного подушного платежа». И дальше идет жалоба – «И яко тех бедных за кокие винности и преступления положены в подушный оклад?» Среди последующих жалоб имеется и та, что раньше «имелось с нас окладу по 1 рублю и 10 копеек, а с 1764 года взыскивается по 1 рублю 70 копеек, чего мы ... только себе почитаем во отягощение... уже многим и пропитания иметь не от чего» (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 10а, лл. 373-377). Другой наказ сообщает – «из находящихся разного звания чинов людей прежних служб, верстанных немалыми землями и денежными окладами, а прочие жалованы, вместо хлебного и денежного жалования, землями. И многие в ряд с дворяне написаны, как значит и по разрядном архиве, кои вышли до 1 переписи... И таковых однодворцев, которые действительно о своем дворянстве могут доказать, не повелено ль будет из окладу выключить и причислить во дворянство» (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109, ч. X, лл. 479-482).

В целом указы и выступления депутатов были довольно смелыми и конструктивными. Екатерина II осталась недовольна комиссией и ее закрыла.

4-я ревизия, 1782 год. Продолжается правление Екатерины II, и будет продолжаться еще четырнадцать лет. Из молодых однодворцев стали активно брать в рекруты. Обычно в деревню приходила разрядка, и община решала, кому идти в рекруты. Из рекрутов в деревню возвращались редко, и община судьбы рекрутов, видимо, и не знала. Годов смерти рекрутов в ревизиях нет, в отличие от прочих однодворцев. По 4-й ревизии из деревни Клёсовой в рекруты забрали Фому Клёсова (1770, в 22 года), Лонгина Клёсова (1770, в 26 лет), Харитона Клёсова (1775, в 26 лет, вернулся отставным гренадером через десять лет), Григория Клёсова (1778, в 33 года). По итогам переписи в деревне 56 однодворцев и 56 однодворок (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 139, лл. 228-232).

5-я ревизия, 1795 год. Завершается правление Екатерины Великой. Царица умрет 6 ноября следующего, 1796 года, а уже 10 ноября император Павел I, только взоидя на трон, отменит рекрутский набор. Но за 13 лет, с 4-й ревизии, в рекруты из деревни Клёсовой забирали, причем значительно в

более молодые годы, чем раньше: Петр Клёсов (1782, в 16 лет), Ефим Клёсов (1790, в 18 лет). По итогам переписи в деревне 53 однодворца и 51 однодворка (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 216, лл. 1-7).

При Павле начнется переход от четвертного права к душевому. Это – болезненная часть истории однодворцев. Она связана с переделом земель. Дело в том, что выданные 100-200 лет назад дворянам и детям боярским поместья, в то время довольно обширные, а также относительно небольшие угодья для испомещения служилых людей более низких категорий заселялись и дробились неравномерно, что вполне естественно. Возник сильный разбой в размере наделов на однодворческую душу. При императоре Павле было решено переходить от четвертного, наследственного принципа, к подушному, и перераспределить землю по 15 десятинам (10 четвертей в поле, а в дву потому ж) на человека, точнее, на «ревизскую душу», или 60 десятин на двор. Оказалось, что столько земли просто нет. Тогда было решено там, где земля есть, выдать по 15 десятин, а где ее столько нет – по 8 десятин (5-1/3 четвертей) на ревизскую душу. Но в любом случае малоземельным это было выгодно. Ведь служилые низких категорий зачастую испомещались только 25 четвертями, и с тех пор дробились так, что на человека приходилось буквально по четверти, а то и меньше, если не считать, конечно, самовольных захватов земель. По 15, и даже 8 десятин на душу было не сравнить с четвертным вариантом.

Естественно, малоземельные при переходе на душевой передел ликовали, а многоземельные были этим крайне напряжены. Павел I процарствовал всего пять лет, но его подушная реформа растянулась почти на целый век, доводя местами до физических столкновений между малоземельными и многоземельными крестьянами. Тем более однодворцы многих малоземельных, хотя и вольных крестьян, считали значительно более низкими по статусу. Среди них было много пришлых – «на наследницу-однодворку», пришедших на купленные земли, и прочих разночинцев и кулаков.

Возможно, поэтому в последующей, 6-й ревизии в 1811 году, число жителей в деревне Клёсовой уменьшилось – с 53 мужчин до 47, на 20 дворах (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 343, лл. 407-409). Два семейства, видимо, вспомнив военное прошлое предков, отбыли в 1810 году на строительство военных верфей в Херсон, одна семья отбыла в город Курск «на мещанство». Двоих все-таки забрали в рекруты – Лариона Клёсова (1806, в 20 лет) и Сафона Клёсова (1808, в 24 года). Возможно, ушли сами. Отечественную войну 1812 года они встретили уже, наверное, с немалым военным опытом, отслужив по несколько лет.

Кстати, двое Клёсовых, Лев Борисович и Александр Борисович, оба гвардии пятидесятные ротные начальники были отмечены за заслуги в Смоленском ополчении в войне 1812 года [30-32]. На нашем генеалогическом дереве их пока нет. Возможно, боковая ветвь.

7-я ревизия, 1816 год. Однодворцев в рекруты продолжают брать: Алексей Клёсов (1813, в 27 лет), Петр Клёсов (1813, в 27 лет), Яков Клёсов (1813, в 37 лет). По итогам переписи в деревне 49 однодворцев и 46 однодворок (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 487, лл. 199-201).

8-я ревизия, 1834 год. В середине между двумя ревизиями один двор переселился в Оренбургскую губернию, двоих забрали в рекруты. В остальном жизнь идет чередом, в деревне 57 однодворцев и 59 однодворок, хотя количество дворов резко понизилось – с двадцати в 1811 году до одиннадцати (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 720, лл. 222-227).

9-я ревизия, 1850 год. Похоже, что бурные события, происходящие в стране по переделу однодворческих земель - с четвертных на душевые - деревни Клёсовой не касаются. Все идет по-прежнему. Двое уходят в рекруты – Алексей Клёсов (1837, в 23 года, вернулся в деревню через двадцать лет отставным солдатом) и Андрей Клёсов (1844, в 21 год). В деревне 13 дворов, на два двора больше, чем в предыдущую ревизию, но прибавление в людях более заметное – уже 71 однодворцев и 72 однодворки (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 850, лл. 641-647). Вторую ревизию подряд число женщин в деревне больше, чем мужчин, пусть ненамного. По старым однодворческим приметам это означает трудности в хозяйстве, экономическое падение деревни.

Последняя, 10-я ревизия, 1858 год. В целом все идет по-прежнему. Четверых отдали в рекруты – Фрол Клёсов (1854, в 21 год), Казьма Клёсов (1854, в 30 лет), Финоген Клёсов (1854, в 20 лет) и Поладий Клёсов (1855 год, в 19 лет). В деревне 14 дворов, 71 однодворец и 73 однодворки (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 1112, лл. 626-639). Как будто застыли однодворцы в своей неподвижности на 150 лет. На самом деле, такая неподвижность и была свойственна многоземельным однодворцам. Счастье однодворцев было именно в неподвижности. Это и был по своей сути патриархальный уклад жизни.

Еще одна особенность такой неподвижности – родовая замкнутость. «Приоброченную» землю нельзя было продавать, ее можно было уступать только ближайшему родству, и даже позятьевщина, как отмечалось выше, была редкостью. Поэтому настоящие, многоземельные однодворческие деревни, в которых жили потомки дворян и детей боярских, обычно знали свои родословные, помнили не только кто от какого деда происходит, но и

знали, кто с кем и в какой степени состоит в родстве. Малоземельные, тем более «перешедшие на ревизские души», со многими пришлыми, припускными и присудившимися, такого знания не имели. Как писал Н.А. Благовещенский, «эти воспоминания с точностью хранятся лишь детьми боярскими, никогда не забывавшими про свою родовитость и прежнюю службу дедов своих, в сборных же селениях не бывает преданий». Собственно, это и принималось за «чванство своим происхождением» родовитых однодворцев теми, кто своих предков и не помнили.

Для того, чтобы завершить переход с четвертного права на душевое, правительство буквально выкручивало руки однодворцам. Н.А. Благовещенский приводит пример, как однодворцы в Орловской губернии не смогли представить «настоящих крепостей на землю» - да и кому, казалось, они нужны были через 200 лет после испомещения предков? Тогда сенат приказал разверстать землю по числу ревизских душ по 5-й ревизии, столетней давности. Все четвертные однодворцы «тотчас же перешли на души».

В итоге правительство взяло свое, душевой передел одержал верх, патриархальный быт нарушился, и однодворческая деревня стала разъезжаться. Мои прямые предки после серии засух снялись всем большим семейством и в 1898 году уехали в Сибирь, в Томскую губернию, а потом в Черепаново Новосибирской области. Там они опять отстроились, и зажили крепким хозяйством. А потом наступила революция. Моего прадеда, священника Ермолая Клёсова, отца большого семейства, расстреляли. Тогда немало Клёсовых приговорили к высшей мере, без всякой связи одного с другим. Любили в те годы это дело. Вот далеко неполный список расстрелянных и сосланных Клёсовых:

-- Клёсов Федор Никанорович, 1872 г.р. Место рождения: Томская губ., русский.

Место проживания: Змеиногорский р-н, с. Колывань. Арест: 28 сентября 1937,

Осужд. 09.12.1937 тройка при УНКВД по Алтайскому краю, обвинение: по ст. 58-2, 8, 10, 11, расстрелян. 22 января 1938. Место расстрела: г. Барнаул.

Реабилитирован в мае 1989 прокуратурой Алтайского края.

Источник: Книга памяти Алтайского края

-- Клёсов Иван Михайлович, 1905 г.р. Место рождения: Курская обл., Коньшевский р-н, с. Малахово, русский. Председатель колхоза. Арест: 3 марта 1937. Приговор: 3 года. Реабилитирован в сентябре 1989.

Источник: Книга памяти Курской области.

-- Клёсов Петр Иванович, 1896 г.р. Место рождения: Ставропольский край, Изобильненский район, Ст. Каменобродской, русский. Проживание – по месту рождения. Арест: 10 марта 1932, расстрелян в январе 1933.
Источник: Книга памяти Ставропольского края

-- Клёсов Георгий Николаевич, 1881 г.р. Место рождения: Ставропольский край, Изобильненский район, Ст. Каменобродской, русский. Проживание – по месту рождения. Арест: 20 октября 1930, осужден 22 мая 1931, приговор – 10 лет ссылки в Северный край.
Источник: Книга памяти Ставропольского края

-- Клёсов Логвин Никанорович, 1883 г.р. Место рождения: Ставропольский край, Изобильненский р-н, Ст. Каменобродской, русский. Проживание – по месту рождения. Арест: 20 октября 1930, осужден 22 мая 1931, приговор – 10 лет ссылки в Северный край.
Источник: Книга памяти Ставропольского края

-- Клёсов Прокоп Федорович, 1875 г.р. Место рождения: Омская область, Колосавский р-н. Осужд. 8 августа 1931, приговор: спецпоселение в Томской области, умер в 1933. Источник: данные УВД Томской обл, дело: 32772

-- Клёсов Илья Михайлович, 1870 г.р. Место рождения: Ишимский район, д. Быково. Арест: 17 февраля 1938, осужден 4 марта 1938 тройка Омского УНКВД, расстрелян 12 марта 1938. Место расстрела: Омск. Реабилитирован в январе 1959 года.
Источник: Книга памяти Тюменской обл.

Отец мой, Клёсов Алексей Иванович, 1923 года рождения, закончил военное летное училище в 1941 году, войну завершил со взятием Кёнигсберга в апреле 1945-го, служил в Инстербурге (потом Черняховск) Калининградской области, затем в Риге, потом на ракетно-космическом полигоне Капустин Яр, и смертельно больным направлен оттуда дослуживать в Сочи. Брат Евгений тоже продолжил потомственное офицерство, служил в военных сообщениях всю выслугу лет в Тюмени и Кемерово, затем на Кавказе. Я вот в Бостоне. Дочь с детьми, нашими внуками – постоянно живет во Франции.

Нормальная биография. В самом деле, зеркало государства Российского с переходом в нынешние времена.

У меня – гаплогруппа R1a1, гаплотип, если развернуть –

13 24 16 11 11 15 12 12 10 13 11 30 – 16 9 10 11 11 24 14 20 34 15 15 16 16 – 11 11 19
23 15 16 17 21 36 41 12 11 – 11 9 17 17 8 11 10 8 10 10 12 22 22 15 10 12 12 13 8 15 23
21 12 13 11 13 11 11 12 13-- 31 15 9 15 12 25 27 19 12 12 12 12 10 9 12 11 10 11 12 30
12 14 25 13 9 10 18 15 20 12 24 15 12 15 24 12 23 19 11 15 17 9 11 11

Думаю, что и у всех нас Клёсовых такой же или почти такой же. Как и у большинства жителей старинных русских городов. Пра-славянская часть гаплогруппы, типичный восточно-славянский гаплотип. Происходит от предка рода, жившего 4900 лет назад, родоначальника восточных славян. Но об этом – отдельный разговор.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] А.А. Танков. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ КУРСКОГО ДВОРЯНСТВА. Издание курского дворянства. Москва 1913; обработал В.Н. Орлов, 2004
- [2] Н.А. Благовещенский. ЧЕТВЕРТНОЕ ПРАВО. Типо-Литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко., Москва, 1899; обработал В.Н.Орлов, 2007.
- [3] Н.М. Карамзин. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО.
- [4] В.О. Ключевский. КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ.
- [5] И.А. Купчинский. Курскъ и Куряне (изъ исторіи о Курске)
- [6] С.М. Соловьев. ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН. Изд-во социально-экономической литературы. Кн. 1 (тома 1-2). М., 1959.
- [7] РГАДА, ф. 210, Десятня разборная курчанам, дело № 300, лист 21
- [8] РГАДА, ф. 210, Десятня разборная курчанам, дело № 215
- [9] РГАДА, ф. 1209, Отказные книги, оп. 188, дело № 15684, лист 376
- [10] РГАДА, ф. 210, Крестоприводная книга, Книги Белгородского стола, дело № 54, лист 1247
- [11] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан о службе, поместьях и семье, Столбцы Белгородского стола, дело № 731, лист 388

[12] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 420

[13] РГАДА, ф. 1209, Курская отказная книга, оп. 188, дело № 15684, лист 488

[14] РГАДА, ф. 210, Крестоприводная книга, Книги Белгородского стола, дело № 54, лист 1258

[15] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан о службе, поместьях и семье, Столбцы Белгородского стола, дело № 731, лист 431

[16] РГАДА, ф. 210, Крестоприводная книга, Дела разных городов, дело № 97, лист 747

[17] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 378

[18] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан городской службы, солдат, рейтар и копейщиков, Столбцы Белгородского стола, дело № 1559, лист 192

[19] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 379

[20] РГАДА, ф. 210, Список детей боярских (1623-1638), Книги Московского стола, дело № 1070, ст. 1, лист 10

[21] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан о службе, поместьях и семье, Столбцы Белгородского стола, дело № 731, лист 604

[22] РГАДА, ф. 210, Сказки курчен жильцов копейщиков и рейтар, Столбцы Белгородского стола, дело № 1569, лист 340

[23] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 377

[24] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан городской службы, солдат, рейтар и копейщиков, Столбцы Белгородского стола, дело № 1559, лист 193

[25] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 415

[26] РГАДА, ф. 210, Крестоприводная книга, Книги Белгородского стола, дело № 54, лист 1282

[27] РГАДА, ф. 210, Сказки курчан городской службы, солдат, рейтар и копейщиков, Столбцы Белгородского стола, дело № 1559, лист 190

[28] РГАДА, ф. 210, Крестоприводная книга, Книги Белгородского стола, дело № 54, лист 1551

[29] К.П. Победоносцев. КУРС ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА. Первая часть: Вотчинные права. СПб.: Синодальная типография, 1896.

[30] В.Р. Апухтин. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну 1812 г. т.1. Москва, 1912.

[31] Смоленское дворянство. Вып. 5. Прошлое и настоящее. Москва. Изд. Смоленского Дворянского Землячества, 2001.

[32] И.П. Лесли. Смоленское дворянское ополчение 1812 г. Смоленск, 1912.

Автор благодарен специалисту-генеалогу, председателю правления Курского Историко-Родословного общества Е. С. Карпуку за профессиональную работу в архивах, а также специалистам-генеалогам В. Н. Орлову и В. Г. Волкову за помощь в работе и исключительно ценные замечания и предложения.

“SERVICE BY BLOOD AND DEATH” .

DVORYANE AND BOYAR CHILDREN

Between us, I like to consider myself as a descendant of Boyar Children. This is a deeply Russian thing. It carries a flavor of ancient stories, legends, folk songs.

However, if you were to randomly ask folks out there on the street who Boyar Children were, nine out of ten would have only a vague idea except they would say that it sounds awfully ancient. Maybe even 99 out of 100 would say no more than that. And I am talking not of Boston where I live now. I am talking about present day Russian cities or villages. The reason is a simple one. The 20th century in Russia was so violent and turbulent that memories of our roots and our past were wiped out rather effectively.

Dvoryane and Boyar Children

Boyar Children were a part of the top society in ancient Russia. The top society in its entirety was consisted of Boyars, Counts Men, Courtiers and Boyar Children. After a while, the first two groups had merged with the last two, and the last two groups had in turn merged and became Dvoryane (in Russian), or Courtiers. This merging occurred during 17-18 centuries.

The word Courtiers literally means “people of the Court”; first the Count’s court, then the Royal, Tsar Court. Initially, the Dvoryane were assembled into the Count Squadron. The Squadron was the best part of the local military forces. Every city had a squadron, or a platoon, or a division of Boyar Children. Ordinary folks had taken arms only in extraordinary situations, and peasants never did. However, the peasants had to provide horses and food for Dvoryane and Boyar Children.

Dvoryane and Boyar Children always were military folks. Using present day language, they were military officers. More than that, they were dynasties of military officers. They had formed a rather closed society of dynasties of combat servicemen. As Russian historians of the past have written, Court Squadrons were formed from people who not only had clearly shown bravery and valor on a battlefield, but were also of a distinct “breed”. It does not sound too politically correct nowadays, but those who enrolled them into the Squadrons probably knew better. Or at least they had their own opinion.

Boyars were the top strata in ancient Russia, or Rus as it was called back then. Initially, they were children and close relatives of the Count, the closest blood, combat buddies, the backbone of his squadron. Over time, they became the closest advisors to the Count. Their children were called, literally, Boyar Children. Since that collective name had carried an important message of nobility, their children and grandchildren continued to be called Boyar Children. They gradually became a rather large group within the military elite, and formed a middle- and junior-level contingent military. This, of course, was not related to the lower and lowest levels of troops since those were not dynasty servicemen. Using present-day language again, Boyar Children commonly filled positions from plain horsemen, in noble dynasty cavalries, to majors, depending on experience and duration of service. Colonel and General ranks were held by Counts, Voevodas and, preferably, other Royal blood people.

The word Dvoryane was recorded the first time in a historical document called the Letopis (a series of ancient formal diaries all "signed and numbered") of 1175. The use of the term "Boyar Children" as a top society can be found in the Letopis of 1281 which described the capture of a traitor Count named Mikhailo Glinski when he was leaving to join Polish troops who were enemies that time. The Letopis says "Mikhailo Glinski is riding alone a mile ahead of his Dvoryane, and Count Mikhailo Golitsa captured him, and the Boyar Children captured all of Glinski's Dvoryane".

Initially, Boyars and Boyar Children were of a higher status compared to the Dvoryane since they were strictly military people while many Dvoryane had just maintained the Court though holding responsible positions. In the Court Squadron, they were at the same level and practically indistinguishable from Boyar Children, although as late as in the first half of the 16th century, Boyar Children were of a higher class compared with the Dvoryane. But then with an elevation of prestige of the Tsar and his court, a status of Courtiers/Dvoryane began to exceed the military status of the Boyar Children. In the 16th and 17th centuries, both terms have practically merged, or rather, stayed together and are practically always referred to as "Dvoryane and Boyar Children", in contrast to other people, draft soldiers, peasants, villagers. Both Dvoryane and Boyar Children have served "from their land", as it was called those times, meaning that they were receiving land for their military service and had to justify the possession by continuing their service and service of their sons and grandsons.

Until the 18th century, the term "Dvoryane and Boyar Children" was the equivalent to the term "warriors". An expression "to send ahead Dvoryane and Boyar Children" meant to direct the best and brightest cavalry. But this was not all it meant. In the Kursk area, the very South of Russia in those days, with Tatars from the South and South-West, Poles from the West, Lithuanians from the

North-West, the Kursk area that will be our focus later on, with Kursk as its ancient capital, was completely destroyed by Tatars in the 13th century. It was rebuilt in the 16th and 17th centuries by Dvoryane and Boyar Children who were also military engineers and builders. There were no peasants in the Kursk area at that time to be drafted to build fortresses. In fact, all cities at that time in the Kursk area were military garrisons. It was too dangerous for peasants to move there voluntarily. And peasants were free to move at that time anywhere in Russia.

As described by historians of those times, Dvoryane and Boyar Children were the most educated people. They were carriers of culture, they were the most decent strata of Russian society, and role models in all aspects of life.

In the 18th century, the term Boyar Children was disappearing and being completely replaced by the term Dvoryane. For those who retired from military service to their private land, particularly for those who have not served in military forces during the First government revision (1710-1720s), both terms were gradually replaced by the terms "single-courtiers". Furthermore, those retirees settled on their land which they had earned for their military service and were becoming free farmers. This was typically the end of their nobility. Some of their descendants were able to return to nobility if they successfully claimed former Dvoryane status. This status and title could be given back to them only after special consideration and was additionally confirmed by returning to military service.

In 1566, Ivan the Terrible (Ioann IV, son of Vassily) had determined three tiers for dynasty servicemen. The top, first tier were Moscow Dvoryane and provincial Dvoryane with Moscow Dvoryane serving and owning land in the Moscow area. Provincial or City Dvoryane, had served and owned land in other areas, in and around other cities and towns in Russia. The second tier was Boyar Children. They had the same rights as did Dvoryane, however, they typically kept lower military positions and ranks. They could move to the first tier for military achievements. The third tier was for shooters ("strelzy"), cannon-men, and other servicemen. They could be from Dvoryane, but not from peasants and other "plain people". They formed regiments which were headed by Dvoryane and Boyar Children. The first two tiers had served "by heritage", from their land, and children often continued to carry military ranks of their fathers. The third tier had served "by draft".

In 1642, Tsar Mikhail Romanov (the first Tsar Romanov) had issued a verdict ("ukaz") which banned by-heritage-servicemen to become peasants and plain soldiers. A verdict issued in 1675 prohibited tier three draft soldiers to become

Boyar Children for whatever achievements. These verdicts had expedited forming of a closed Dvoryane society in Russia.

When Feodor, son of Ivan the Terrible, was Tsar of Russia (1584-1598), the Russian Army included 80 thousand horsemen in the Dvoryane Cavalry. This cavalry was formed exclusively from Dvoryane and Boyar Children. "High Dvoryane", that is Boyars, had received a salary of 70-100 rubles a year, "Middle Dvoryane" 40-60 rubles, and Boyar Children 20-30 rubles a year.

There were few cases in Russia when the status of Boyar Children was granted to lower class people and even to peasants, however, these cases, according to historians, were typically unsuccessful. Boris Godunov, son of Feodor, had exercised several such cases, but they happened to be "infirm" and were retracted by subsequent Tsars.

Boyar Children were an absolutely inherent part of the Russian military. On the Southern frontiers of Russia, in the Kursk area, they served as reconnaissance officers, entered into combats, leading their "tens" and "hundreds" of troops, set defense of their cities and towns, storm enemy fortresses, and carried all uneasy military duties. For their service, they were paid in the form of land besides monetary compensation. This was called "outlanding".

Kursk was the largest city in the South-West and South-East of Russia. To the South-West of the Kursk area there was a huge territory called the Wild Plain.

Outlanding of Dvoryan and Boyar Children

There were two principal mechanisms of outlanding. One mechanism was a scheduled draft, it was announced in a formal document and indicated who and how much land and money was granted. Another mechanism was an "application for land" to the local or central authorities, including the Tsar himself, when a serviceman or his sons asked for a grant of land for their father.

And here I will mention my forefather, Ivan Klyosov (born 1580), who was the earliest Klyosov found in the archives, and who was granted 300 acres of land in the Kursk area in 1639. The Granted Land Book describes it as follows (the Russian National Archives of Ancient Acts [RNAAA], 1209-188-15684, p. 159)

Year 7147 (1639) April 12 day according to the manuscript by Tsar and Grand Count Mikhail son of Feodor of all Rus, a Boyar Son Ivan Klyosov, of Reitar Service, following an application by Kursk citizens, Boyar Children Kirey Klyosov, Frol Evsyukov, and Denis Pyzhov and Mina Vozhov and Ostakh Shipilov and by directives by Stolnik and

Voevoda Ivan son Vassiliy Butourlin, in Kursk stan of Kursk region, fields and forests were signed off from the mouth of Khmelevsk River upstream and downstream along the right-hand bank of Prut River and after the field investigation the land was measured and recorded as hundred acres into the field and twice as much according to Tsar and Grant Count Mikhail son of Feodor of all Rus the manuscript and the investigation.

After 56 years, the *Records of Boyar Children in the City of Kursk and Kursk region of 1695* (Archives of the Kursk Region, 1555-1-168, p. 678) mentioned for the first time the Klyosov village. In 15 more years, according to the Census of 1710, the Klyosov village was recorded in a Section of "Reitars and Single-Courters", that it had 12 courts and 35 inhabitants, of which seven were adult men and nine were adult women. The rest were children, and everyone there had Klyosov as their last name.

It is worth mentioning here that until the 15th century, last names in Russia were not in use even among Boyars. By the end of the 15th century, last names were more and more frequent among Dvoryane. In the 16th century, practically all Dvoryane and Boyar Children had last names, unlike lower class citizens, whose last names had begun to appear only in the 19th century.

The fact that those people in 1639 who were listed in the Tsars manuscript had last names places them among rather distinguished people.

The Ulaz (verdict) of Tsar Alexey Mikhailovich of 1648 lists norms of land compensations for Boyar Children in the Kursk-Belgorod region:

- Upper size grants (1st and 2nd tier): 400 and 300 acres
- Middle size grants (3rd, 4th and 5th tiers): 250, 200 and 150 acres
- Lower size grants (7th and 8th tiers): 100 and 70 acres

Land was granted only to dynasty service men. An "Order" of 1649 by Alexey Mikhailovich banned people not of Dvoryne and Boyar Children heritage to own land. As a rare exception, plain soldiers were granted 25 acres at best. When a landowner's sons, and only dynasty service men were landowners, reached 15-18 years of age, they were signed up to the Tsar's service and thereby acquired rights to have land themselves. After that, they were obliged to respond immediately to each military call and depart to military expeditions with weapons and supplies, bringing other horsemen and foot soldiers depending on the size of their private land. Typically, the requirement was one armed horseman per each 100 acres of private land (an Ukas by Ivan the Terrible of September 20, 1556). Landowners could not sell their land, the land had to stay with the dynasty service men while they served. The rule was that "the service should not diminish and the land should not leave the service".

Sons of wealthy Dvoryane and Boyar Children were registered “from the father’s land” and often were not granted extra land. Sons of not-so-wealthy and have-not Dvoryane were registered “in addition to the father’s land”, that is, extra land was granted.

An “Ukaz of outlanding” of 1555 specified: “Father’s land should not be taken away from sons if they are fit to serve”. The same rule was confirmed by the “Order” of 1649. The main principle was that “those who serve must have land”. This was the underlying principle for the system of outlanding. The follow-up principle was that “those who have land must serve”. Only church lands presented an exception.

Present-day readers may have the impression that Dvoryane and Boyar Children were wealthy people and had land with many peasants on them. This was not always true. In 1670’s, for example, out of 168 Dvoryane and Boyar Children of the Kursk area registered for service, 99 have not had or were not granted land, the rest were outlanded but as scheduled, “Some got it in a half-force, some even less, and some got just a little”. Military service was a tough service. Monetary compensations were minimal, and mainly they were received at war, as a rule, as a prize for capturing or killing enemies, for being wounded, for escaping as a POW. During peaceful times, the compensation was one ruble per man per four-year period.

Last but not least, not all land granted as a compensation was actually obtained. Actual land was often substantially less compared to that granted. Actual land should have been found, and its measurement and legal recording should have been arranged. That was not too easy. Available land often was of a poor quality (marches, ravines, etc.), or too far away, or too close to the enemy. That is why, among provincial Dvoryane, there were many “small land-owners”, with much less than 100 acres of land, which was not even enough to present even one horseman to the duty. They often received only 80 or 40 acres or 30 or even 10 acres of land. This was close in size to land which was owned by peasants.

There were 731 Boyar Children in Kursk in 1642. They represented a core of Dvoryane local society. Outlanding compensation for them was between 70 and 500 acres per serviceman, however, most of them did not have peasants on their land. At that time, there were almost no peasants in the Kursk area. Therefore, the landowners had lived by their courts which were single courts and later called “single-courters”. Furthermore, in the 18th century they had formed a strata in the Russian society that was formally named “Single-Courters”. I will come back to this later with a reference to my ancestors.

In general, in dynasty service families, all children had served either directly or indirectly, regardless of their gender. Sons after 15-18 years of age would get on their horses to defend fatherland, and daughters would get married to supply new defenders for the fatherland. There were, of course, some cases when sons of a wounded retired father were not called into service, but left with him "on tillage", and they would lose all privileges of a dynasty servicemen.

Returning to Ivan Klyosov, a Reitar, for what service and achievements a 59-year old Boyar Son, was land granted by the Tsar's Ukaz? The archives do not provide an answer to this specific question, however, let's take a look at the history of the Russian State from the beginning of the 17th century to 1639 when Ivan received his land.

"Fuzzy times" and the beginning of the House of Romanovs

In 1604, when Boyar Son Ivan Klyosov was 24 years of age, Russia entered into "Fuzzy Times" that lasted nine years until 1613. Boris Godunov was ending his seven-year Tsarist rule. He died unexpectedly in April of 1605. The end of his government was, by all means, a catastrophic one. The Southern lands were devastated by Tatars, there was plague and four years of drought in a row. To add insult to injury, some rumors had appeared and spread that a little son of Tsar Ivan the Terrible had not died in 1591 at the age of nine but had miraculously survived. This had initiated turbulences in the masses who cited God's punishment, because the rule of Boris was unlawful, was achieved through deceit and would not do any good.

In October of 1604, "Dimitry the Impostor" (as he was known later) had entered Moscow State and went to the Kursk region. Initially, he was met with a "fire fight" (an expression of that time, meaning cannon shots) but as a result of a political disagreement between the defenders of the city, Kursk surrendered. After the death of Boris Godunov, the Russian military took Dimitry's side. In June of 1605, the successor of Tsar Boris, little Feodor, was killed. The following month, the widow of Ivan the Terrible and mother of little Dimitry recognized the newly appeared Dimitry as her son. That same month July, Dimitry was approved for the throne. However, his Tsarship did not last long, and he was assassinated less than a year afterwards, in May of 1606, after mother of little Dmitry had admitted that her recognition of Dimitry the Impostor was false.

Vasily Shuisky became the next Tsar for four years period. However, provincial Dvoryane did not attend the ceremony. Fuzzy Times continued.

Meanwhile, the Tatars were taking an advantage of a political and military mess in the center of the Moscow State and increased the intensity of their invasions

into the Kursk-Belgorod region. Besides Tatars, Kossaks and other “thieve groups” invaded as well. That kept Dvoryane and Boyar Children on a permanent lookout and in fights. In August of 1610, a Tsar manuscript arrived to Kursk and other cities of Russia that said *“disturbances and disagreements between the Russians are making the country weaker, and Poles and Lithuanians are moving on to Russian soil and shedding blood and devastating Orthodox Christian churches and monasteries. The Polish King is staying at Smolensk, and the Polish Getman at Mozhaisk, and the Impostor in Kolomensk. Seeing all of this, Tsar Vassily Shuisky decided to resign and become a plain citizen, and wished that all our people unite and protect our Russian Orthodox beliefs and our wives and children”*.

Four months after it the Dimitry Impostor the Second was killed in October 1612, Moscow was liberated from Polish and Lithuanian troops.

During these nine years of Fuzzy Times, and the changing Tsars, Kursk Dvoryane and Boyar Children continued to carry out their duties during all the instability and disorganization. Ukaz of the Boyar Duma had directed that all Dvoryane without exception must enlist their service by May 29, 1611, and those who declined would lose their land. The Ukaz, however, stated: *“Land should not be taken away from wives and children of fallen and wounded Dvoryane”*.

In 1613, Mikhail Feodorovich Romanov became the Tsar before he completed 17 years of age. Kursk had sent a whole delegation of Dvoryane and Boyar Children to the Sobor which approved the new Tsar. All of them signed the Approval Manuscript on behalf of Kursk Dvoryane.

Tsar Mikhail was the Russia ruler from 1613 through 1645. This time period was saturated with military fighting for Kursk by Dvoryane and Boyar Children. These were times of placing life in Russia back in order, times of flourishing and elevating Russia. At the same time, it was a period of heavy fighting on the Southern and South-Western borders of Russia, deadly dangerous times for Dvoryane and Boyar Children. What role has Boyar Son and Reitar, Ivan Klyosov, participating in during those times?

In 1612, a year before Mikhail had become Tsar, and when Ivan Klyosov was 32 year of age, Polish Getman Zholkevsky with his 70,000-strong army besieged Kursk. The Polish troops could not take the city and left after several bloody battles in which the Poles had suffered great losses.

In February and March of 1613 there were battles in the Kursk region with Polish and Lithuanian troops that ended with their defeat. Reports to the Tsar described the valor of Dvoryane and Boyar Children. These reports were the first ones

received by the newly established Tsar and brought a renewed spirit to the Russian troops.

Meanwhile, there were practically non-stop military expeditions on the Western and Southern frontiers of Russia against Poles, Lithuanians, Tatars and Cherkas (Kossaks). In 1616, the Dvoryane and Boyar Children cavalry in Kursk alone was 753-members strong.

In 1616, Lithuanian troops had invaded the Kursk region, and a 340-man cavalry of Dvoryane and Boyar Children were sent to fight them. In 1617, Lithuanians had invaded the Kursk region again, and the Kursk forwarded 380 mounted Dvoryane and Boyar Children along with foot soldiers with the "fire fight". In 1618, Lithuanians had invaded the Kursk region again. In 1620, the Tsar sent an Ukaz to Kursk in which he ordered Dvoryane and Boyar Children to have "two horses each" in case the Tatars came. Meanwhile, Polish and Lithuanian kings had sent envoys to the Tsar to sign "a truce for 14 years, from the present 127 (1619) to 7141 (1633)".

During this relatively peaceful time period, a number of Dvoryane and Boyar Children had reached significant numbers - 885 in 1625, 864 in 1629, 997 in 1631, 1130 in 1642. However, peaceful times were relatively short, since the Tatars did not sign a truce and did not have any intention for peace. In 1616, they came near Kursk and were completely defeated within 15 miles of the city. Men, women and children who had been taken prisoner were freed. In 1622, a large troop of Tatars was crushed after they entered the Kursk area. In 1623, another large troop returned, and a 300-strong cavalry of Dvoryane and Boyar Children was sent to meet them along with mounted Kossaks and 100 foot soldiers with the "fire fight". There was a heavy battle that devastated the Tatars. In 1628, a regimen of Dvoryane and Boyar Children met the Tatars who had captured many Russians, and freed them. The Tatars went towards Kursk, and within 10 miles from the city, they were defeated and their commanders captured.

In 1632, Lithuanians and Tatars had attacked Belgorod, South of Kursk, and took many prisoners and approached Kursk. United troops from several cities in the area led by Dvoryane and Boyar Children defeated the Tatars in a battle. In 1633, Polish troops burnt Belgorod and the suburbs around it. Being encouraged by that, another Polish army went by Kursk and besieged it. After a long period of time, during which they devastated the suburbs, they lost many troops and left the city. The Poles invaded the area in 1634, and besieged Kursk with a 12,000-strong army. They had stayed at Kursk from the 4th to the 16th of April, and threw fireballs into the city but could not take the city and left.

In response, troops from the Kursk region stormed and took the Polish cities of Borzna and Poltava. This went down in history as the war between Russia and Poland of 1633-1634. A truce was signed on May 17, 1634.

Service in action by Dvoryane and Boyar Children was practically uninterrupted during formal peace and real wars. As a result, Dvoryane and Boyar Children were granted land by verdict of the Tsar Ukaz. Among those who obtained land by this Ukaz in 1639 was Boyar Son, Ivan Klyosov.

Boyar Children and Reitars

The Book of Kursk Registry, 1652, Section "City Boyar Children" (RNAAA 210-10-191) indicates that Kirey, son of Ivan Klyosov, checked in for duty "being on a horse and with a *pishal* (a rifle - AK) and was granted a compensation of 300 acres and ten rubles". Ten rubles was pretty good money at that time. An acre of land in the first half of the 17th century cost about two rubles or a bit less, and this price was practically the same from the North of Moscow to the South, as well as the Kursk region.

Kirey was a seasoned man when called to duty at 47. Indeed, by that time, Dvoryane and Boyar Children served all their lives - literally, until death or disability. Not many of them lived long enough to resign.

Who were City Boyar Children, anyway? Unlike Moscow Boyar Children, they lived and served in other cities and towns. This name appeared when the Moscow State was formed, and courts of the former Counts did not merge with the central, Moscow Court, but remained in other cities and towns. Hence, City Boyar Children were local landowners and "*served from their land*". They were obliged to serve, and represented the principal military force. They represented Dvoryane dynasty servicemen.

Reitars were a separate contingent of Dvoryane and Boyar Children. They were a heavy cavalry. Unlike Dragoons, a light cavalry who would come down from their horse in order to shoot from a rifle and then mount again, the Reitars shot from on top of their horse. Their armor was so heavy that they often would not have been able to mount again in the field after coming down from their horse. Reitar's rules of engagement were basically copied from German and Dutch ones. A Reitar is a close copy of the German Reiter or a rider. Russian Reitars had served in Divisions of Foreign Lines along with Western instructors. The very word Reitars had gone along with the times of Peter the Great, as "Reitar Order"

(1651-1680) and then the following “Foreign Order” (until 1701) and “Order of Military Matters” which became the Military Collegium in 1717.

Various troops with foreign names, including Reitars, were introduced since the beginning of the 17th century under Tsar Boris Godunov, and particularly under Tsar Mikhail Romanov, when the Russian military system had become poor organization. Reitar regiments were composed of City Dvoryane, Boyar Children and other free citizens primarily with their own horses. To be enrolled as a Reitar, one should come “on horse and armed”. Reitars were trained by foreigners and by Russian Stol’niks and Dvoryane, who were already trained.

“Free citizens” were enrolled along with Dvoryane and Boyar Children although it somewhat “*tainted the purity*” of dynasty servicemen. However, there were not too many nobles left after heavy and long wars during the Tsarship of Alexey Mikhailovich, son of Mikhail Feodorovich Romanov (Ruler in 1613-1645). The following numbers speak for themselves. If in 1631 there were 997 Dvoryane and Boyar Children in Kursk, and in 1642 there were 1130, then in 1672, four years before the end of the rule of Tsar Alexey, they were only 614 Boyar Children in Kursk.

Military and combat service of Dvoryane and Boyar Children

The registry “Tales of Kurskers on Service, 1675” (RNAAA, 210-732-40) tells us that Sergej, the son of Kirey Klyosov (born ~1630), Ivan’s grandson, reported to Duma Dvoryanin Semyon Ivanovich Zaboryansky that he served his duty to the Tsar in a city regimen, and had a compensation of 250 acres and a salary of 11 rubles. His actual land was 35 acres, and he did not have peasants in his possession. In the past year (1673-74) and the current one (1674-75), he was in a military expedition in the regiment of Count Gregory Romodanovsky.

The fact that Boyar Son Sergej Klyosov did not have peasants in his possession is not surprising since there were very few peasants during the 17th century in the Kursk region. Practically the entire population consisted of military men. Cities and towns were military garrisons. Peasants, who were free to move before 1591, did not have any desire to settle in the dangerous Kursk region. Only in the 18th century did peasants start to move into those areas.

Another registry, “A Sorting Out Book of Boyar Children in the City of Kursk and the Kursk Region, 1695” (The State Archive of Kursk Region [SAKR], 1555-1-168-419) says that Kondrat, son of Sergej Klyosov (born ~ 1655), “is serving regiment Reitar service from Boyar Children instead of my deceased brother Maxim Klyosov” and that he had just returned this 203 (1695) year for a vacation

from the Kazikermen expedition where he had served in a regiment of Stol'nik and Voevoda Ilya Mikhailovich Dmitriev-Mamonov. Kondrat's land was 30 acres. The Book also indicates that according to Kondrat's report "he will continue to be on horseback serving our Great Tsars, the rifle of his state *carobin* and a couple of pistols ready for an expedition *and to shooting in its entirety*". Kondrat was then 40 years of age. He had obtained a grant of 200 acres and 7 rubles of money.

Kondrat's brother, Vassily, son of Sergey Klyosov, had reported in the same Book (SAKR 1555-1-168-678) that he had served in the City service in Kursk since 1679, with a compensation of 150 acres and 6 rubles of money, and his land of 17 acres is situated in the Klyosov village of the Kursk stan of the Kursk region.

Here we see two different kinds of service, that is "the regiment service" and "the city service". The city service was a garrison service while the regiment service was service in a military expedition. The regiment service was understandably more honorable.

From time to time, particularly when the intensity of combat service was significantly elevated, there was no available Dvoryane and Boyar Children to call into service. In those cases old resigned dynasty men were called to battle. In the second half of 17th century, the Voevoda of Kursk was allowed by Tsar Ukaz to draft and to direct frontier posts of retired Dvoryane and Boyar Children, who retired because they were old or were sick. These were not isolated cases. Indeed, service in the Kursk region was called "service by blood and death". Documents from the end of the 16th century describe forces of "Turks and Crimea's and Nogay's Tatars, and the Lithuanian King, who fiercely united with Poles and Ugrs [Finns], Germans and other Sweds". They commonly hit on the Southwestern part of Russia, namely Kursk, Rylsk and Putivl regions. Tatars had constantly penetrated the area often dragging captured civilians by the hundreds. Cities and suburbs were often devastated. This kept Dvoryane and Boyar Children on a constant lookout by means of reconnaissance and skirmishes. Distances that should have been covered by riding dynasty servicemen are mind-boggling. Observation towers were spread over huge territories. There were, for example, seven observation towers to the South of Kursk out in the Wild Field, the nearest one in four days of horseback riding or about 300 miles through marshes, forests, prairies. The last one was in 430-450 miles away. The towers were reached in a half-day, a day and sometimes two or three days of horseback riding between them. And all of them could be reached by Tatar troops. To deliver notes, Boyar Children would ride over huge distances often through an enemy territory. That is why their reconnaissance service was considered truly dangerous. Those areas were saturated with servicemen blood.

This was the service of Dvoryane and Boyar Children of the Kursk region. Among them were Boyar Children Ivan Klyosov and his son Kirey, and Kirey's son Sergey, and Sergey's son Kondrat, and Kondrat's brothers Vassily and Maxim, mentioned earlier, and Kondrat's son Afanasy Klyosov. And Kirey's brothers Savva and Luka Klyosovs, Savva's son Ostakhei (Boyar Son, service calls in 1626, 1636, 1639, and 1645), Ostakhei's son Ivan (Reitar, service call in 1675), Ivan's son Mikhail (Reitar, call in 1697), Luka's son Anton (Boyar Son, calls in 1639 and 1645), Kirey's son Prokofiy (Reitar, calls in 1675 and 1682), Prokofiy's son Ivan (Reitar, call in 1697), Ivan's brother Antip (Reitar city service, call in 1697). And also Iov Klyosov and his son Samoyla (Reitar, call in 1697), Dementiy Klyosov and his son Afanasiy (Boyar Son, call in 1630), Afanasiy's son Pavel (Reitar, call in 1675), Pavel's son Potap (Reitar, call in 1697), Karp Klyosov and his son Leon (Reitar, call in 1697), Leon's brother Mikhail (Reitar city service, call in 1697), one more Leon Klyosov and his son Stepan (Reitar, same call in, 1697), Timofey Klyosov and his son Savva (Boyar Son, call in 1645), Kiril Klyosov and his son Trofim (Reitar city service, call in 1697) and Zakhar Klyosov, a cannonman (call in 1645).

All thirty-two Klyosovs were Kursk servicemen.

As it has been repeatedly stated, those times in the Kursk area were quite dangerous. As mentioned earlier, Ivan Klyosov was granted land in 1639. Seven years after that, in 1646, Tatars undertook a large invasion of the Kursk region. Thirty four settlements on granted land were completely destroyed and their inhabitants were kidnapped, mainly young Dvoryane, women and children, whole families, whose men were serving at that time or were killed. Being encouraged by their success, Tatars moved to another area to the neighboring Rylsk. They managed to devastate several settlements there, however, a regiment of Rylsk Boyar Children had attacked them, and in a bloody battle, freed the women and children, a total 439 people. As a historian wrote, "This explains why every Dvoryane and Boyar Son had armaments hanging on a wall next to his bed.

One of the largest *pogroms* (destruction of households) by Tatars had happened in 1680 in the Kursk-Belgorod region. They killed and kidnapped 471 men and 368 women. Most of those killed and captured were Dvoryane and Boyar Children with their wives and children. According to historical sources, Tatars beat to death defenseless children from infants to 15-year olds. Two hundred and ninety four children died including twenty eight boys of 4-years old or less, and forty two girls were burnt alive. In 1680 alone, Tatars killed and led into captivity 3,258 men, women and children, and took away 24,193 cows and horses, 4,828 beehives and burnt to the ground four churches, 688 courts, four windmills and

eight settlements. Captured people were sold into slavery in Crimea, Constantinople, Asia Minor, and other countries and regions.

When Tatars appeared in the neighborhood, inhabitants yelled and cried “Tatars are coming, our death is coming”. This was a yell of desperation. Military horseback riders and Dvoryane and Boyar Children should have battle day and night. This was the lifestyle in the Kursk region for Dvoryane and Boyar Children in the 16th and 17th centuries. This was directly related to the military expeditions in which Sergey, grandson of Ivan Klyosov, and his great-grandson, Kondrat, participated.

Chigirin, Azov, and Kazikermen Expeditions

What were the expeditions in the division of Gregory Romodanovsky in 1674-1675, and what was the Kazikermen expedition in the regiment of Mamonov in 1694-1695?

These expeditions were part of the military operations undertaken by Tsar Alexei Mikhailovich before the end of his rule, to secure the right-hand side of the river Dniepr, which was a part of Russia. The left-hand side of the Dniepr, also the Russia side, was united with Russia twenty years back, in 1654. The opposite side was still under the heavy influence of the Turks. *Getman* (the title - AK) Samoylovich was the highest leader in Ukraine in 1674. He ruled on the both sides of the Dniepr, and was recognized by Russia. Doroshenko, the former Getman in the Western Ukraine, with a residence in Chigirin on the other side of the river, did not recognize Samoylovich and was maneuvering between the Kossacks and Moscow. At the same time, he was playing a game with the Turk Sultan, and, as it was reported at that time while negotiating with Russia, sent a request for military help from Crimea by the Turks. Samoylovich, alarmed, called for help from Moscow.

Count Gregory G. Romodanovsky with his troops had moved to Chigirin and siezed the city. Doroshenko, understanding the hopelessness of the situation and having no news from the Turks, surrendered Chigirin and forfeited his getmanship. This was the first, but far from the last, joint military expedition of the Russian troops and Ukrainian kossacks to Chigirin. In fact, this was the beginning of a series of Russian-Turkish wars, that is, wars of the Osman Empire and alignment to the Crimean Khanship. Sergey Klyosov participated in this, the first Russian-Turkish war.

Sergey's participation in the war was taken over by his son, Kondrat. The Kazikermen military expedition, which he had mentioned in “A Sorting Out

Book of Boyar Children in the City of Kursk and the Kursk Region, 1695" (The State Archive of Kursk Region, 1555-1-168-419), was a part of the advancement to Azov by Tsar Peter, who later became Peter the Great. This was called The First Azov Expedition of 1695. A Cannon Regiment was headed by *Bombardir Piter*, as he called himself. The entire summer of 1695, Tsar Peter with his 35,000-strong troop had tried to capture the Turkish fortress Azov by throwing into it thousands of bombs but was unsuccessful and had to pull away by fall. In other words, his rule had started with an unsuccessful military operation.

However, it was not completely unsuccessful. At the end of July 1695, a regiment of Boyar Children of Kursk, among which was Reitar Kondrat, son of Sergey Klyosov, and headed by Kursk *Voevoda* (a military commander - AK), Ilya Dmitriev-Mamonov, had stormed and took over the Turkish fortress Kazikermen at the mouth of the Dniepr river. The storming the fortress involved Kossack troops headed by Getman Ivan Mazepa and Moscow troops on horseback and on foot headed by Boyar B.P. Sheremetev. The siege and bombarding of the fortress had lasted five days and nights by use of cannons and small firearms. A Kossack historian of that time, Samyila Velichka, wrote: "One night, Kazikermen was hit by dozens of bombs and small grenades with fire coming from all carriages. All around the dark night was illuminated as if from lightning". Finally the fortress wall was destroyed and the troops stormed in. Hand-to-hand combat lasted five hours, and Kazikermen capitulated. Garrisons of the two neighboring Turkish fortresses, Aslam-kermen and Mouberek-kermen, fled to Crimea, abandoning large cannons. This was probably the only good news in the whole Azov campaign. Kondrat Klyosov was probably proud when he reported back home about the expedition.

Single-courtiers

By the beginning of 18th century, frontiers of Russia went from South to further West, and life of the military elite in the Kursk region became less tense. Dvoryane and Boyar Children were allowed to retire and permanently settle on their own land. If earlier their land was given to them in a temporary ownership only during the military service, then later, step by step, the restrictions were removed, and ownership rights began to move towards their direct descendants, then to wives and children, then to widows, and finally to side relatives. When sons in the dynasty military family were "*ripe to serve*", they either "*let in*" to the father's land and would not receive any extra land, or were granted their own land "*to be derived*" from their father.

Eventually, when life of the dynasty military people in the Kursk region had become more stable, it turned out that many Dvoryane and Boyar Children did

not want to carry their saber on their hip all their life and be called to the troops until they are disabled or dead, and they began to move to their land to become farmers. This was the beginning of the forming of a separate strata of the Russian society of civil land-owners and their children, so-called single-courtiers. According to records of those times, in the 18th century, many Dvoryane who did not want to continue their military service moved to single-courts. In the 19th century, they received a right to become Dvoryane again after they were able to prove their noble roots and enrolled back into military service. As an historian wrote: "Some very old Dvoryane lines, reduced to own relatively little land, became single-courtiers. During the times of Peter the Great, some Dvoryane who owned as many as 100 and 200 peasant courts, did not want to serve and legally registered as single-courtiers".

In many cases, however, that transition was a forced one. Reforms by Peter the Great, who had changed Russian society, led to a significant reduction of the number of military dynasties, primarily City Dvoryane and Boyar Children. They faced few options: either to struggle to stay in the military service, or move to administrative work, that is, to become a kind of bureaucrat in the new society, or to settle as farmers on their own land. Many preferred the latter choice.

After some time, a number of the Tsar's verdicts created a new strata of society. Single-courtiers had taken a new level between Dvoryane and peasants, and became middle-class farmers. Many documents of that time called them free farmers, later state farmers, unlike possessed farmers, monastery farmers, or church farmers. State farmers in the Kursk region were not so much field workers; typically, they kept themselves busy with gardening, fishing, beehive-keeping, poultry-keeping, sheep-breeding and horse breeding.

Most Boyar Children did not have their own peasants or "possessed farmers". After they became single-courtiers, they labored themselves sometimes hiring workers. However, when they had served in the military, their land was tax-exempt, because they paid for the land with their service. Now their land became state taxed.

The legal unit for taxation was the single-court. Single-courts were further divided into smaller single-courts in which children and other close relatives lived. Single-court families often were quite large, with grandfather and grandmother, their children with wives and children, sometimes children of the third generation. Everyone in the court was called a single-courtier. Only the court was taxed as a unit. Census documents, so-called Revision Tales, which were collected once in a while, have recorded single-courtiers by courts. There

were ten Revision Tales between 1720 and 1858, the number does not include earlier revisions, so-called landrat censuses.

An example of such a large court was the first court in the Klyosov village, according to the First Revision of the Kursk district of 1710 (GAKO 184-4-12-177), which was registered as "Single-courtiers, Reitars". That court would nowadays be called a cluster. The Revision lists Afanasyi, son of Kondrat Klyosov (grandson of Boyar Son Sergey), 35 years of age; his wife, a 7-year old son and 1-year old daughter, two nephews of 16 and 18 years of age, a wife of the older cousin and their 6 months old daughter. Eight single-courtiers in one court. The second court was assigned to the second grandson of Sergey Klyosov, 50-year-old Eremai, son of Vassiliy Klyosov with his family; the third court was registered to Eremai's brother, a 40-year old Ivan with us family; the fourth court was their brother 30-year old Gregory, with his family; the fifth court was the widow of their brother, Matvei with his family, and so on. There were 12 courts total with 35 "single-court souls".

The Second Revision in 1744 has shown that there were 70 people who lived in the Klyosov village that time: 69 single-courtiers and one hired worker. At the beginning of the 20th century, an incomplete family tree of Klyosovs included 176 individuals, and now, including us - my wife and two grandchildren makes 16 generations. A total number of descendants of Ivan Klyosov from the 16th century until now would be hard to count. There should be many hundreds of them. However, World War I, the Russian revolution of 1917, and the following Civil War of 1918-1922, as well as the World War II, have greatly reduced their numbers both directly and indirectly.

The Klyosov courts were not situated too close to each other. The land was not crowded. Three hundred acres is a pretty wide territory, which is the equivalent of 290 football fields. Courts were situated on two river banks on different sides of the land. It was a matter of convenience of Klyosovs. Those who had only 20 acres, almost 20 football fields, had enough land for their family. With time, of course, relatives multiplied and courts divided. Children commonly divide the father's land fairly, in equal parts, unless children died or moved elsewhere. Single-court villages were closed to outsiders, who were seldomly allowed to get the land. Rarely son-in-laws were such outsiders. They were rare because daughters commonly left to go to their husband's village, also typically a single-court bearing the husband's name, or - much later - a court in the same village. Sons-in-law rarely came to their bride's court, because a sister of brothers would not get land. She was supposed to go to her husband. Exceptions were when the daughter was the only heir. And indeed, *"our land was inherited, a deserved inheritance, earned by tough military service, granted and registered by our ancestor. A son-in-law did not belong there"*.

The Klyosov family records are filled with examples of departures of daughters to single-court villages:

From the 1763 Revision Tale:

-- Paramon, son of Afanasiy (yb 1713), wife Ekaterina, brought from Kursk district, village Anakhin, daughter of a single-courter Anakhin.

-- Matvei, son of Paramon (yb 1740), wife Akilina, brought from village Yakshino, daughter of a single-courter Yakshin.

From the 1782 Revision Tale:

-- Gregory, son of Paramon (yb 1748), wife Ustinia, brought from Fatezh district, village Shuklina, daughter of a single-courter Anisim Shuklin.

-- Vassilisa, Daughter of Paramon Afanasievich (yb 1761), given out to marriage to Akim Perkov, a single-courter from village Perkovo of Kuresk district.

-- Avdei, son of Yakov (yb 1740), wife Mavra, brought from L'gov district, village Polyachkovo, daughter of a single-courter Ivan Polyachkov.

-- Evpat, son of Lukyan (yb 1734), wife Ekaterina, brought from Kursk district, village Umrikhin, daughter of a single-courter Stepan Umrikhin.

And so forth.

Sometimes funny things had happened. Here is a record in a church book, section "Church Marriages". Groom - Timofey Klyosov from village Klyosov, Christian, 19 years of age. Bride - Elena Klyosov from Village Klyosov, Christian, 17 years of age. Witness from the groom side - Sergey Klyosov from village Klyosov and Kondrat Klyosov from village Klyosov; witnesses from the bride's side - Timofey Klyosov from village Klyosov and Sidor Yakovlev from village Yakovlev.

Another record: Groom - Ivan Klyosov from village Klyosov, Christian, 26 years of age. Bride - Tatyana Klyosov from Village Klyosov, Christian, 19 years of age. Witness from the groom side - Vlasiy Klyosov from village Klyosov and Kondrat Klyosov from village Klyosov; witnesses from the bride's side - Stefan Klyosov from village Klyosov and Stefan Pykhtin from village Pykhtin.

There were quite a few cases like these. However, it was already the 19th century and relatives spread along different and distant family lines.

Land granted to the ownership by the outlanding of dynasty military people, was called quarterland, from the Russian word translated as “quarter” (*chetvert*), a land measuring unit equal to an acre. Hence, a right to own this land was called a quarter-right. A son-in-law, who had married an heir, and hence, entered a quarter-community, would not acquire a quarter-right legally, and it was not recorded in the land registry. There was no “possessed” peasants among them, of course, because a free single-courter female would not marry a slave. That is why grooms and brides were only single-courtiers from the same circle of the society. Historians, who had lived during those times described that single-courtiers were known for their vanity with their heritage and stiff upper lips to lower classes. And then “*many of them were Dvoryane of a former high society*”, but became farmers for their unwillingness to serve in the Army.

And now we come to taxation “*from a soul*”, or *soul-taxation*, and to the fate of the single-courter strata in Russia. This fate had resulted from a number of particular historical processes in Russia, namely disappearance of a noticeable part of the Dvoryane by moving it to agriculture, the displacement of an old, conservative lifestyle in rural Russia by a more mobile, aggressive, *soulless lifestyle*. The driving force of it was the role of a merciless state “assembly line” in grinding the conservative Russian lifestyle, which had eventually led to the fall of the Russian State.

This process can also be described in other terms. All of this evolutionary change had reflected an actual process of industrialization of Russia, the development of its modern agricultural system, which was initiated by Peter the Great. As a result, old Russia’s backbone had collapsed in 1917.

The process had begun to accelerate from the time of Peter the Great’s re-organization of the Russian Army. Former military check-ins “*on horse and armed*”, care for “*purity of the military structure*” and “*purity*” of the military elite above all along with care of the dynasty military men themselves by their granting of land, was replaced with unified troops and maintaining unification. A kind of military “assembly line” structure had started to form, in which everything was paid, not by the military officer as before but from the state coffers. The state paid for horses, armaments, uniforms, food, and everything else. The country was divided by those who served and those who supported the army through taxes. Russia, with its conservative lifestyle, was not ready for it, and this led to a remarkable stress for the Russians. For such a sharp turn towards the new political and military system, as well as the whole way of life, Tsar Peter had pushed with his reforms.

Among the slogans of Tsar Peter was “nobody owns land in Russia for free”. This clearly meant taxation of privately owned land. Therefore, single-courtiers, as a strata of the Russian society, was an invention of Peter the Great. Indeed, single-courtiers were initially mainly Dvoryane and Boyar Children, who served according to their heritage and from their land, and who then left the service and settled on their private, granted land. However, as a result of the “industrialization” of Russia for the following 100-150 years, that strata was mercilessly homogenized and stripped its former rights. For starters, this strata was mixed with representatives of a lower class of the society who were drafted for military service, and who received much smaller pieces of land, typically no more than 10-25 acres. Then with a series of Ukazs, or Tsar verdicts, that strata was transferred from the quarter-right to a “soul-right” in which taxation was from “souls”, not from the land. Finally, single-courtiers were officially named not private farmers, as they used to be, but as “*state farmers*”.

Of course, nobody in the Russian Government had such a far-fetched plan. It was just happening by itself and pushed forward with each new Ukaz as a part of a general process of pushing Russia forward to an industrialized society.

Flipping through Revision Tales of single-courtiers from the first one in 1710 (it was a preliminary one, and finally set up in 1724), to the tenth, in 1858, one can follow milestones in destroying of the former conservative, patriarchal lifestyle of Boyar Children settled onto their land granted for military service.

In the first Revision, Klyosovs in all 12 courts were described as “Single-courtiers, Reitars” or “Single-courtiers, City” (GAKO 184-4-12-177-179). “City” meant that they retired from Kursk military service. In 1711, an Ukaz by Tsar Peter assigned single-courtiers to a separate strata of the society which had legal right to discuss matters between themselves through representatives. The next Ukaz by Tsar Peter enacted on May 14, 1723, assigned to single-courtiers all former military people who have land, including City Dvoryane. At the same time, taxation from single-courtiers was significantly increased.

In 1724 the next Ukaz enacted by Peter stated that all single-courtiers were “fixed” on their land which they could not sell or leave. Furthermore, a new obligation was introduced, a rather severe one, that was called “a collective responsibility”. In other words, if a single-courtier left his land and the community, all other villagers had to pay the taxes for those who had left. State coffers needed money.

Needless to say, such measures did not encourage single-courtiers. They saw a clear curbing of their rights. Overall, Tsar Peter’s reforms treated landowners

quite heavy-handedly. In 1724, all single-courtiers who were not returned to the state service, military or otherwise, were officially named "state farmers" which in the Russian language also meant "state peasants". "Farmers" was never a respected term in Russia, then and now. It was a proverb in Russia during those times that "State peasants live as God says, possessed peasants live their master says", however, it did not help much. This was a way of converting retired Dvoryane and Boyar Children to farmers and that transfer was significant.

After Peter the Great, the Russian Tsars were Elizaveta, Ekaterina, and in 1796, after Ekaterina's death, her son Pavel became the next Tsar of Russia. He had initiated a change from the quarter-tax to the soul-tax. In other words, taxation from a court as an administrative unit was removed and replaced with head-taxation, a taxation from every individual inhabitant of courts and villages in general. This was a painful process, mainly for those who had had large land inherited from their ancestors 100-200 years earlier. The reason was that the soul-taxation was introduced along with re-distribution of land between the haves and have-nots, and to allocate to every farmer 10 acres of land per soul, or 40 acres to every court. It was accomplished mainly by taking land from large land-owners. It turned out that there was not so much land available. Then it was decided to still give 10 acres per soul, and where there was not that much land available, to give 5 acres per "revision soul". This was very beneficial to small land owners but not to large land-owners.

That decision had largely divided society and stressed it. Pavel was Tsar for only five years, however, his "soul-taxation" reform had been implemented for about 100 years and led to many fights, including physical ones between the have and have-not farmers and peasants.

According the last 10th Revision in 1858, village Klyosov had 14 courts, 71 male single-courtiers and 73 female single-courtiers (GAKO 184-2-1112-626/639). It seemed that nothing had changed in village Klyosov for the last 150 years except the number of courts and their inhabitants, which created a kind of a still picture. Such a stillness was very typical for large land single-courtiers. This stillness was their happiness and was at the core of a patriarchal lifestyle. There was one more feature in their life clearly distinguishing large land single-courtiers from other peasants. Single-courtiers knew their ancestors and predecessors. They knew their relatives, past and present, even quite distant ones and how they were related to each other. An old historian wrote: "These memories with their exact precision are carried by only Boyar Children who never forget their nobility and past service of their great-grandfathers; there are no tales in modern villages composed with recent visitors". This was considered as "vanity" of single-courtiers by "recent visitors" not having such memories.

Eventually, the Russian Government took over all single-court villages move to a soul-taxation. The patriarchal lifestyle had gone, and the villages had started to collapse. My direct predecessors had moved as an extended family to Siberia in 1898, and built their life back again. And then came the 1917 Revolution “of workers and peasants”. My great-grandfather, Ermolay Klyosov, a priest, was shot by a firing squad following a verdict by a “revolutionary tribunal”. During those times, many Klyosovs were accused and sentenced for being rather “haves” than “have nots”. This was their principal guilt, and this was a fact of life then. Here is a far from complete list of Klyosovs sentenced and exiled by the Soviet Government and its representatives:

-- Klyosov Fedor, 1872 y.b., born Tomsk, Siberia, Russia. Was arrested: September 28, 1937. Sentenced December 9, 1939 by “troika” (meaning – his case was considered by three representatives, they were the court, jury, and judge at the same time and place) of NKVD (the predecessor of KGB). The case was described as “an anti-soviet activity”. Shot on January 22, 1938. The case was reversed and nullified in May, 1989.

-- Klyosov Ivan, 1905 y.b., born Kursk Region, Russia. A head of a local farm. Was arrested: March 3, 1937. Sentence: imprisonment for 3 years. The case was reversed and nullified in September, 1989.

-- Klyosov Petr, 1896 y.b., born Stavropol Region, Russia. Was arrested: March 10, 1932. Shot on January, 1933.

-- Klyosov Georgy, 1881 y.b., born Stavropol Region, Russia. Was arrested: October 30, 1930. Sentenced May 22, 1931 for 10 years an exile in the Siberian North.

-- Klyosov Longvin, 1883 y.b., born Stavropol Region, Russia. Was arrested: October 20, 1930. Sentenced May 22, 1931 for 10 years an exile in the Siberian North.

-- Klyosov Prokop, 1875 y.b., born Omsk, Siberia, Russia. Was sentenced on August 8, 1931. Sentenced August 8, 1931 for exile in the Siberian North, died there in 1933.

-- Klyosov Ilya, 1870 y.b., born Ishim District, Russia. Was arrested: February 17, 1938. Sentenced March 4, 1938 by NKVD “troika”. Shot on March 12, 1938. The case was reversed and nullified in January, 1959.

My father, Alexey Klyosov, was born in 1923 in Siberia and graduated from Air Force school in 1941. He was drafted right away to the front to fight with Nazi

Germany. The war was ended for him in April 1945 with the defeat of Königsberg in East Prussia, Germany, in which he was taking an active part and was awarded for valor. He had served with the military transportation troops in Insterburg (now Chernyakhovsk) in East Prussia which was later annexed by the Soviet Union and became the Kaliningrad Region, USSR, and now Russia. Then he served and our family lived in Riga, Latvia, and we all moved in 1955 to the largest Soviet missile military base, which then became a space complex Kapustin Yar. Being mortally ill there he was directed to serve at a famous Russian resort called Sochi in a semi-tropical area of Russia on Black Sea as an attempt to save his life. It gave him indeed a few more years of life. His son and my brother, Eugene, had continued family traditions and served for more than 20 years in Siberia with the military transportation troops, and then in Sochi. I live in Boston with my wife Gail, for the last 20+ years. Our daughter, Svetlana with her family and our two grandsons, live in France, in a *village* between Nice and Cannes. They are all naturalized French nationals.

This is kind of normal biography, and a mirror of Russian history with a transition to modern times.

My haplogroup is R1a1, haplotype, is to show in the maximum resolution of the 111 markers -

13 24 16 11 11 15 12 12 10 13 11 30 - 16 9 10 11 11 24 14 20 34 15 15 16 16 - 11 11 19
23 15 16 17 21 36 41 12 11 - 11 9 17 17 8 11 10 8 10 10 12 22 22 15 10 12 12 13 8 15 23
21 12 13 11 13 11 11 12 13-- 31 15 9 15 12 25 27 19 12 12 12 12 10 9 12 11 10 11 12 30
12 14 25 13 9 10 18 15 20 12 24 15 12 15 24 12 23 19 11 15 17 9 11 11

All of us Klyosovs must have about the same haplotype, with only few mutations, as well as most of inhabitants of Russian cities, towns and villages, having the same haplogroup R1a1. It is a typical Slavic haplotype and is derived from our ancestors who had lived about five thousand years ago at the Russian Plain. But that is a different story.

Acknowledgements: The author is indebted to a professional genealogist, a chairman of Kursk Family History Society Eugene S. Karpuk for a truly professional work in archives, and to expert genealogists Vladimir N. Orlov and Vladimir G. Volkov (both from Russia) for a great help and valuable comments and suggestions. I greatly appreciate a valuable help of William P. Kisseloff-McCulloch (California) in preparation of this paper, and of Valery P. Yurkovets for the graphic design of the cover.